

Всесоюзное
ВСЕСОЮЗНОМУ
ПИОНЕРСКОМУ
ЛАГЕРЮ

АРТЕК им. В. И. ЛЕНИНА

16 ИЮНЯ 1975 ГОДА

ИСПОЛНЯЕТСЯ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

КОСТЁР

6 ИЮНЬ 1975

АРТЕКУ- ПОЛВЕКА

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1975 г.

16 ИЮНЯ 1925 ГОДА
СОСТОЯЛАСЬ ПЕРВАЯ
ПИОНЕРСКАЯ ЛИНЕЙКА
В АРТЕКЕ

Фото
Ю. Чернышева

Наш специальный корреспондент встретился с начальником лагеря, членом ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Рыбинским.

— В юбилей, да еще полувековой, принято оглядываться на пройденный путь. Евгений Михайлович, назовите, пожалуйста, самые памятные события в артековской истории.

— Мы ведем летопись Артека, и каждый факт, каждое событие нам кажется памятным и важным. Но есть, конечно, и главные вехи. Ну, если начать с нулевой отметки, то это, само собой, первая пионерская линейка 16 июня 1925 года. На ней стояло восемьдесят истощенных, голодных ребят, многие из них были в лаптях или босиком.

Через три года брезентовые палатки у подножия Аю-Дага сменились деревянными домиками. А в тридцатом году Артек из сезонного лагеря превратился в круглогодичный.

1936 год. Сто пятьдесят пионеров-артековцев были на правительственном приеме в Кремле. В этом же году Артек дал приют детям Испании.

В 1939 году в Артек приехал Аркадий Гайдар. У нас он закончил повесть «Дальние стра-

ны» и задумал «Военную тайну».

Драматическое событие — эвакуация детей из Артека в июне 1941 года. Многим из пионеров уже некуда было ехать — в их дома вступил враг...

Еще шла война, а пионеры вновь стали хозяевами Артека. Много пришлось затратить сил, чтобы он снова стал похож на пионерский лагерь.

13 сентября 1945 года наш Артек наградили орденом Трудового Красного Знамени.

— Расскажите о роли комсомола в жизни Всесоюзного пионерского лагеря.

— С 1958 года Артек был целиком передан в ведение комсомола, он стал настоящей всесоюзной лабораторией пионерской работы.

Проводником комсомольского влияния на жизнь пионеров был и есть пионерский вожатый. Вожатых посылает нам комсомол.

Кто ставил первые палатки в Артеке? Комсомольский десант. Кто восстанавливал Артек после войны? Молодые люди с путевками комсомола. Кто привозит ребят в лагерь? Комсомольцы.

— Пребывание пионера в Артеке сравнительно корот-

ко — всего тридцать—сорок дней. Но, говорят, и этого достаточно, чтобы раз и навсегда проникнуться высоким пионерским духом Артека.

— Многое зависит и от уклада жизни нашего лагеря — от ее темпа, ритма, бодрого, веселого настроения, от вереницы интересных дел, встреч, поручений. Артековец ощущает богатство пионерской жизни, ее полнокровие.

Артек, как увеличительное стекло, собирает все лучшее, что есть в человеке.

— Уже на второй год своей жизни Артек принял первых детей из-за рубежа. Это были три немецких пионера. Каковы сейчас международные связи лагеря?

— Артек стал поистине интернациональным детским центром. В 1974 году мы принимали делегации пионерских и детских организаций из 52 стран.

Мы очень рады, что по примеру Артека родились такие же лагеря в Венгрии, ГДР, Польше, Конго и некоторых других странах.

— Какова роль Артека в жизни советской пионерии?

— На Всесоюзных пионерских слетах и сборах в Артеке давался старт многим пионер-

ским делам. Здесь начался Всесоюзный марш пионерских отрядов «Всегда готов!». Здесь была принята программа выполнения наказов XVII комсомольского съезда.

— Артек — кузница пионерского здоровья. Нельзя ли узнать, как это здоровье достигается?

— Главные наши союзники в этом деле, разумеется, — солнце, море, воздух. Но одним воздухом, как говорится, сыт не будешь. Кормим хорошо!

Если 27 тысяч артековцев, которые бывают у нас за год, поставить на весы, то они окажутся примерно на 50 тонн тяжелее, чем до Артека. Будьте здоровы!

— Я вижу в Артеке строительные площадки, краны. Что вы строите?

— Мы строим общеартековскую линейку, столовую Горного лагеря на 1350 мест, строим два общежития пионервожатых, артековский «порт», котельную, новые въезды в лагерь.

К десяти существующим мы хотим построить еще семь новых лагерей. Тогда мы станем принимать за смену не 4,5 тысячи, а 7,6 тысяч детей. Мы создадим городок флоры и фауны Крыма, высокогорную туристскую базу, построим киноконцертный зал. Сейчас существует «Выставка космонавтики», а мы хотим, чтобы был целый космический городок.

— Евгений Михайлович, о чем мечтает Артек?

— Видите ли, первый артековец радовался тому, что всем выдали по фунту хлеба и по полфунта колбасы, и мечтал, чтобы и дальше так было. А вы поговорите с сегодняшними артековцами, они вам такого намечают. Они говорят о вертолетном сообщении Симферополь — Артек, они предлагают построить канатную дорогу к морю, они мечтают о внутриартековской детской транспортной системе.

А еще мы мечтаем о том, чтобы в нашей стране создавалось побольше таких лагерей, как Артек.

ФУТБОЛ с девочками

РАССКАЗ

Арк. Минчиковский

Ну, как я жил две смены летом в лагере? Нормально жил. Пионерлагерь у нас — будь здоров! От завода. Всего там построили, чего хочешь. Стадион со скамейками, вроде трибун. Купальня с вышкой. Все бы хорошо, но вышла у нас там история с девочками.

У нас поначалу, пока еще не пришла жара, получился футбол. Набралось две команды. Я был правой защитой. Мы себя называли «Альбатрос», а нас почему-то прозвали «Рыжими», хотя рыжий у нас был один. Но сам знаешь, если назовут, хоть дерись — не поможет. Играем, а нам орут: «Рыжие, давай!.. Рыжие, шайбу!..»

Ладно. Мы тоже не растерялись. Другую команду прозвали «Бритоголовыми». У них там хватало волосатиков. Вот мы и придумали для юмора. Ясно, когда вывешивали объявление, писали: «Альбатрос» и «Ровесник», но часу не провисит, кто-нибудь в скобочках напишет: «Рыжие». Мы в долгу не остаемся — рисуем «Бритоголовых».

Девчонки, глядя на нас, тоже организовали команду. Нас нет, они поставят своего вратаря и гоняют. Вратарем у них была Клавка Кавун — такая фамилия. Здоровая. Выше меня. Она все их мячи брала. Наш нападающий Валера, он у нас был капитаном, раз он идет через поле, — тут ему под ноги мячик. Валера слегка разбежался и послал в правый верхний угол. Так эта Клава прыгнула и отбила кулаком.

Понравилось девчонкам футболожить. Поле занято, они уйдут подальше, положат камни — границы ворот и тренируются сколько хотят.

Один раз приносят нам в корпус письмо в конверте. Напечатано на машинке. Не знаю, когда они пролезли в канцелярию, но не в том дело. Написано: «Вызываем вас на матч. Все равно кого: «Альбатросов» или «Ровесников». Команда «Амазонки».

Привет! Только этого не хватало — с девочками устраивать матчи! Придумали — «Амазонки». Ничего себе, а?! Мы прямо животики надорвали.

А они еще чудят: хотите, организуйте сборную из двух команд. Как мы в письме до этого места дошли — все с хохота покатались. Лешка Пташкин — он у нас лучший бомбардир, так он сел на койке, держится обеими руками за живот.

— Ой, не могу! — гудит. — Держите меня!.. Свихнусь я.

А они на следующий день приходят втроем. Та самая Клавка у них за капитана.

— Не примете вызов, так и запишем: поражение. Не явились на поле. Законно.

Мы опять хохотать.

— Как хотите. Даем вам сутки на размышление.

Надо же, очумели! Как нам играть с ними? Представление...

Но тут приходит наш лагерный физрук Леонид Федорович. Поглядел на нас и сказал:

— И правда, почему бы вам не сыграть? Девочки рвутся, хотят попробовать свои силы. Доставьте им такое удовольствие.

Мы говорим:

— Леонид Федорович, футбол с девочками, когда такое было? Во многих странах женский футбол совсем запрещен. Пусть в пинг-понг играют.

Он улыбается.

— В истории, — заявляет, — все когда-нибудь бывало. Как говорят, в порядке исключения.

— Да мы же, Леонид Федорович, им шута десяток сухих пробьем. Не по-рыцарски.

Это пропищал Юрка Сосницкий — наш интеллигент.

Кто-то добавляет:

— А если мы кого из них подкуем? Футбол же — мужская игра. Кто будет отвечать?

— Это уж совсем ни к чему, — покачал головой физрук. — Игра должна быть корректной. По-моему, надо вызов принять.

Наши притихли. Про себя даже обиделись. Неужели это он взаправду?

— Давайте, — продолжает Леонид Федорович, — мы сделаем так. Два тайма по пятнадцать минут. Дольше девочкам будет трудно-вато. Попробуем, что получится.

И ушел, оставив нас в полном обалдении. Смеха уже больше не было. Стоим, думаем, как нам быть с этими «Амазонками»?

Решили бросать жребий, кому из команд участвовать в этом смехе. Кинули винтом монету — вышла решка. Играть нам, «Альбатросу».

Посмеяться на этот матч собрался весь лагерь. Не то что на скамейках — и на траве сидели. Поварихи и нянечки и те пришли.

Перед началом мы устроили совещание. Девочки тоже там о чем-то уславливались. Наш капитан Валера дает ценные указания:

— Значит, так, парни. Подбросим им приличную фору. Первый тайм побегаем, попасуем один другому, как будто у нас сегодня не клеится. Пускай для юмористики закатят шутки две. Ты, Козлов, всерьез мячи не бери. Будто бы хотел взять, да не вышло. Но и без дураченья, чтобы поверили.

Козел не согласен.

— Как же, — говорит, — я пропущу два девчонских мяча? Что я — валенок?

— Да это же тактический обман, — вдалбливает ему Валера, — чтобы смотреть было не скучно. И вы тоже им незаметно подыгрывайте. Уйдем на перерыв, вроде расстроены — не ожидали... Начнем второй тайм, еще потрепемся минут пять туда-сюда, потом организуемся и спокойненько шутики четыре-пять, не больше, конечно, все поймут, что к чему. И по-рыцарски будет, и научим, как вызывать нас. Так, что ли, Юра?

Интеллигент одобрил, кивает.

Начался матч. Радисты завели музыку. Все как у людей. Там-тара-дири-дири-там-та-там...

Леонид Федорович взял на себя судейство. С ним боковые от бритоголовых. Физрук дал сигнал.

Наблюдаю со своего места — идет как надо. Ребята бегают, пасуют мячи. Девочки решили, наверное, играть всерьез. Гляжу — взяли под контроль нашего бомбардира Лешу и конвоируют с двух сторон. Он улыбается. Нет-нет да и даст забрать у себя мяч. Они довольны! Пасуют своим. Кто побыстрее бегают, ведут к воротам. Бац! Но Козел, ясно, такие мячи брал. Пропустил бы — не поверили.

На пятой, примерно, минуте эти амазонки разыграли комбинацию. Похоже и на дело. Били угловой. Сгруппировались у наших ворот и, как большие, отдают мяч одна другой. Мой напарник Лева Пепсик — Пепсе, такая у него непонятная фамилия, — он нарочно мяч упустил. Позволил их нападающей открыться. Она и поддала в сетку. Получилось, будто по правде. Козлов ждал удара слева. Заваруха началась там, а мяч влетел справа. Ну обрадовались, дурахи! Скачут, обнимаются. Решили, и верно — обвели, врезали штуку. На скамьях не ждали. Хлопают, кричат: «Молодцы!.. Молодцы!..»

Начали с середины. Валерка промелькнул мимо, подмигнул, дескать, все идет по нотам.

Дальше игра шла больше посередине поля. То они без толку пасуются, то наши забавляются, перекатывают мяч. Но тут, не совсем по плану, в какой-то момент Пташкин оказался неприкрытым против вратаря метров на пятнадцать. Не выдержала душа бомбардира, и дал он по воротам. И, понимаешь, взяла их Клавка мяч. Теперь и верно получалось, будто по-взаправдашнему борьба.

А между прочим, скорость они выжимали. Так что и мы всерьез бежали. Приходилось. Игра перемещалась. То у наших ворот вроде что-то назревало, то у девчонских. Минуты за три до конца дали мы им забить еще гол. Кто-то из наших навесил издали. Клавка поймала мяч и отфутболила. По-нормальному поддала. Мяч стукнулся и опять на нашей стороне. Я побежал и отпасовал Пепсику. Тот — вратарю. Козел, с фасончиком, не торопясь, навстречу. Хотел, наверное, подразнить девчонок. Ну, а одна из них — откуда взялась, не видел — наперерез и перехватила. Раз в сторону, и мяч в сетке. Козел даже рот от удивления открыл. Видели — счет 2:0! Девочки и сами обалдели. Не верят своим глазам. А на скамейках орут. Не понимают, наивные, что мы играем в поддавки. Ну, мы, понятно, делаем бледный вид. Сами вроде не можем понять, что с нами. Про себя-то посмеиваемся. Пусть их порадуется.

Немного еще мячик по полю погоняли. Свисток. Перерывчик. Построились, уходим на отдых. Счет 2:0. Выигрывают «Амазонки». Красота для тех, кто не понимает. Только Озерова не хватает, чтобы прокомментировать. Идем по проходу, девчонок приветствуют аплодисментами. Мы — кто виновато улыбается, кто голову втянул в плечи, будто ему стыдно, а кто смех давит и разводит руками. Сами вроде убиты,

что такое делается. Извиняйте, болельщики, люди добрые!..

Подальше отошли, повалились на траву и давай хохотать... Нам 2:0! Сто лет так не смеялись.

К нам, между прочим, подошел Леонид Федорович, а мы — сам знаешь, когда попадет смешинка — не можем сдержаться. Физрук спрашивает:

— Что это с вами, чему радуетесь?

Пепсик подавил хохот, нашелся.

— Это, — говорит, — Леонид Федорович, у них на нервной почве.

Физрук ушел, а мы и того сильнее давай хохотать. Такое нашло. Никак не уняться.

Валера уже поднялся, командует:

— Ну, хватит. Время! На поле выходить без смеха. Значит, по-уловленному. Дадим еще одну закатить, чтобы все ошалели, а потом как нам надо. Будет амазонкам лекция по футболу.

Ну, начали. Скоро игра, понятно, с нашей помощью, перешла к козловским воротам. Девчонки рады, «нападают». Они на нашей стороне, чуть ли не вся команда, а защита — мы с Пепсиком и еще кто-то один. Ничего, пасуем друг другу. Девчонки мечутся, стремятся перехватить мяч. Смех берет, до чего стараются! Но мяч опять у меня.

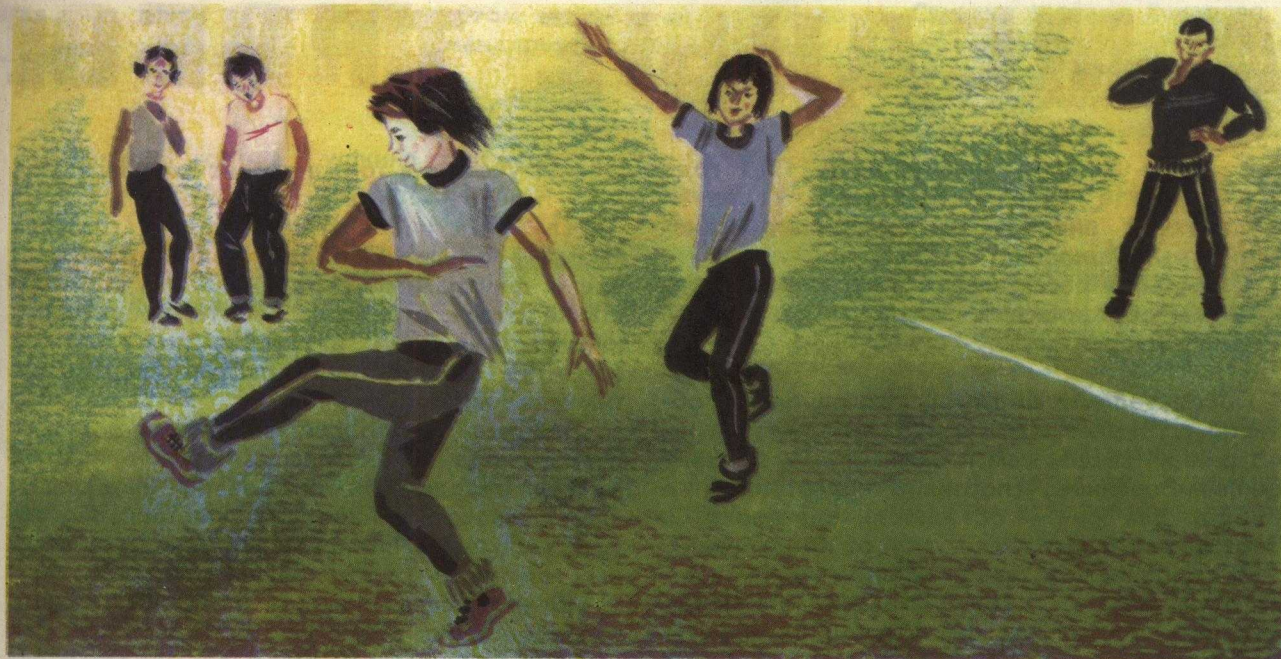
Я его Пепсику, но передал дальше, чем надо. Левка побежал за мячом. А там уже одна быстроногая. Он хотел так это, с трюком, выбить ногой вперед, но поскользнулся. Мяч уже летит в ворота.

Козлик с виноватым видом вынимает из сетки мяч, а Пепсик все еще сидит на траве и ухмыляется в мою сторону. Видал, как я их здорово разыграл! Ну, честно, я не такой лопух, чтоб верить. Уж очень натурально он проехался задом.

Ну, довольно. Пора и за дело. Время показывать класс. Вижу, и Валерка, там в центре, отдает нашим какие-то приказы.

Улетел мяч от наших ворот. Минуты, наверное, не прошло, Пташкин освободился от своего конвоя, дождался мяча и ударил в левый угол. Точненько метил, если бы не штанга. Так прилепил, аж ворота качнулись. Мяч рикошетом к ногам девчонки-защитника. Та не растерялась, развернулась и бьет подальше, сколько есть силы. Кончилась наша комбинация, начинай сначала. На скамейках беснуется: «Мазилы!.. Сапоги с дырками!.. Шайбу, шайбу!..» А то мы без них не знаем, что нам пора забивать голы. Валера-капитан играючи обвел девчонок, вышел один на один с вратарем. Вид сделал, что хочет бить влево. Клавка клюнула и метнулась к штанге, а Валерка очень даже аккуратно послал мяч в другую сторону. Будьте ласковы, вынимайте из сетки...

Прошло еще немного времени, и они получили вторую штуку. Забил гол Пташкин. Надо сказать, крепко дал Лешечка. Такой и парню принять — будь здоров и не кашляй!.. На скамьях притихли. Возможно, и разгадали нашу стратегию. Видят — началась лекция. Бегаем дальше. Глядим — девчонки тоже активизировались. Не нравится голы получать. Усилили защиту. Был такой момент. Пташечка — мы его еще Слоном звали, — забрал у них мяч и пошел, как он умеет. По пути свалил одну из амазонок. Я не заметил, как это вышло, но вижу — она лежит и корчится. Свисток. Игра остановлена. Стадион гудит, Леонид Федорович — судья — подбежал. Девчонка, все в порядке, уже поднимается, а Птахе второе предупреждение за грубость. Одно он уже в первом тайме заработал. Кого-то там толкал. Он же иначе не может. Он же не пташка, а слон. Ну, так. Нам штрафной. Выстраиваем стеноч-

ку. А то, чего доброго, и в самом деле будет гол. Но, понятно, у них из этого ничего не выгорело.

Чувствуем, между прочим, что времени для наших планов остается уже немного. Надо поспешать, а тут — еще не хватало!.. Одна длинноногая — бегала быстро — прорвалась через заслон и жмет к воротам. Сейчас Пепсика обойдет, а мне не успеть. Чего доброго, и будет, не по нотам, штука, тем более Козел ничего лучше не придумал, выбежал вперед. Но тут, вижу, за ней во весь опор несется Оська. Перегнать не смог, но... Не знаю, была подножка или нет, кажется, была все-таки, только оба растянулись и пыль над ними облачком. Леонид Федорович все заметил. Подзывает Валеру, назначает нам, что бы ты думал?.. Пенальти! Видал?! Рехнуться можно. Нам — пенальти в матче с девчонками!.. На скамьях уже никто на месте не сидит. Скажут, орут, свистят. «Позор!» — вопят. Можно подумать — и верно игра.

Ну, бьют они одиннадцатиметровый. Забивают нам четвертый. Непонятно, как и вышло. Разве такие Козел брал?! Тут занял среднюю позицию, а мяч влево. Он подпрыгнул и упал солдатиком, чтобы отбить. Не вышло, промахнулся. Лежит на земле. Вытянулся во весь рост, будто свалилась статуя. Лежит, не шевелится, и глазами не моргает, а мяч за него вынимает кто-то другой.

Ну, что случилось со зрителями, тебе и рассказывать не надо. Нам уже не до них. Остолбенеть можно. Счет 4:2 не в нашу пользу. А свист стоит! По-моему, даже начальник лагеря Маргарита Ивановна свистела.

С этой минуты, сам понимаешь, настроение у нас... Иди доказывай, что мы две трети игры валяли дурачку. Кто поверит? Бегаем злые, как собаки, только что не кусаемся. Еще бы, вре-

мени осталось всего ничего. Проигрываем девчонкам. А они — где и научились? Тянут время. Все-таки мы еще один забили. Спешим, хоть бы ничью, а ихняя Клавка нарочно не торопясь вынимает шарик из сетки, играет с ним в «школы-мячики». Потом, как только сумеют — бьют боковой. Хотят счет сохранить. Ну, нет, думаем, не выйдет вам. Носимся, орем друг другу. Судья нас уже не предупреждает. Понимает — нервы. Тут только разыграли комбинацию, сейчас мяч будет в их воротах и, на тебе, свисток! Судья поднял руки, требует мяч. Конец игры. Истекло время.

Мы, кто где был, так и застыли. Неужели уже все?

Дошутились. Здорово! Проиграли 4:3. Кому?.. Девчонкам!

Нам бы удрать с поля и до отбоя где-нибудь помотаться, а тут строят, как полагается, команду против команды. Пожимайте друг другу руки. И пожимаем. Что попишешь? Девчонки, как паровоз, дышат, а довольны!.. Сами себе не верят. Мы, кто дурачки улыбается — пытается сохранить вид, кто глаза в землю. На Валерку нашего лучше не смотреть. Ну, что же, идем к трибунам. Впереди судья, потом капитаны.

А радисты, наверно, нарочно на всю катушку эту: там-тара-дири-дири-там-та-там...

Так и прошагали по проходу. Девчонкам хлопают, приветствуют их: ура, амазонки!.. Физкультура!.. А нам свистят!

На следующий день послали «Амазонкам» вызов. Предложили сыграть реваншную. Отказ. Мы, заявили, уже выяснили ваши силы. «Ровесники» их вызвали, тоже не согласились. Давайте, говорят, на следующее лето. Во, хитрые! Решили остаться победителями.

Рисунки А. Аземши

А МЕДНЫЕ ТРУБЫ—

В конце июня — начале июля 1975 года в Ленинграде должен состояться VI финал Всесоюзной пионерской военно-патриотической игры «Зарница».

С просьбой рассказать о предстоящем финале мы обратились к командующему игрой Андрею Лаврентьевичу Гетману.

Победителями на городских, районных, областных, краевых, республиканских играх «Зарница» вышли самые ловкие, смелые, дисциплинированные, спортивно подготовленные ребята. Все они — обладатели значков ГТО. Этот финал будет отличаться от предыдущих.

Вся страна, все прогрессивное человечество отмечает в этом году 30-летие Победы советского народа над фашистской Германией. Вот поэтому девять дней финала ребята будут не только соревноваться по юнармейским специальностям, гражданской обороне, многоборью, ГТО. Наших ребят ждут интересные встречи с славными военачальниками. О войне расскажут участникам финала ветераны Великой Отечественной. Ребята совершат поездку к памятнику «Цветок жизни», который сооружен в память детей, погибших в дни войны, в страшные дни блокады. Юнармейцы

примут участие в торжественной линейке «Памяти павших — будьте достойны!»

Целый год пионеры всей страны готовили выставку «Салют, Победа!». Она откроется во время финала игры «Зарница». На этой выставке будет отражена работа, проделанная юными ленинцами в период подготовки к 30-летию Победы, труд красных следопытов, тимуровцев, юнармейцев.

«Зарница» — это составная часть Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Девиз финала игры «Зарница» — «Пятиконечная звезда и красный галстук — рядом». Наши советские ребята должны всегда помнить и хранить боевые традиции своих дедов и отцов, быть достойными преемниками их боевых и трудовых подвигов.

Я желаю нашим юнармейцам, участникам VI финала «Зарницы», хорошо и прилежно учиться, приучать себя к дисциплине, изучать юнармейские специальности. Каждый из юнармейцев должен выработать в себе бойцовские качества. Будьте достойными продолжателями дел наших славных воинов. Будьте всегда готовы к защите нашей Родины!

Гетман А. Л.
19. II. 75

Командующий Всесоюзной военно-патриотической пионерской игрой «Зарница» генерал армии Герой Советского Союза Андрей Лаврентьевич Гетман начал свою боевую деятельность на озере Хасан, в войне с японскими самураями.

В Великую Отечественную войну А. Л. Гетман командовал танковыми соединениями. В 1942 году — под Москвой. В 1943 году — под Курском. За участие в битве на Огненной дуге танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Гетмана А. Л. получает звание 11 Гвардейского.

Освобождение Украины, Львовско-Сандомирская операция. Войну Андрей Лаврентьевич закончил заместителем командующего Гвардейской танковой армией. После войны генерал-полковник Гетман командовал войсками Прикарпатского военного округа, был председателем ЦК ДОСААФ, избирался депутатом Верховного Совета СССР, является кандидатом в члены ЦК КПСС.

Андрей Лаврентьевич Гетман за свои боевые заслуги награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Богдана Хмельницкого II степени, орденом Красной Звезды, несколькими иностранными орденами, а также медалями.

ПОТОМ

410 школа города Пушкина на вид обычная. И справа, и слева, и со всех сторон. А на самом деле она не обычная. А не обычная она вот почему — два раза подряд занимала все-союзное первенство в военной игре «Зарница» — в 1971 году и в 1973 году. Поэтому и ученики в этой школе не просто ученики. Это с виду они просто ученики. А на самом деле они ученики-санитары, ученики-связисты, ученики-разведчики, ученики-стрелки и даже ученики-пожарники.

И кабинет Леонида Ефимовича, заместителя директора школы, с виду обычный, а на самом деле не обычный — есть в этом кабинете особый шкаф, где, быть может, и хранится секрет побед — несколько папок с разными документами «Зарницы». Здесь «Боевые листки», отрядные дневники, которые ребята вели на сборах, и наставления шефов-«зарничников».

Может, дневник откроет секрет победителей? Прошлым

летом его вели дежурные командиры отрядов на сборах.

«...ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

На зарядке были все. Физрук ехал впереди на велосипеде и читал лекцию о пользе бега. Бежали все. Всем хотелось дослушать.

...ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Все было нормально. Пропадают ведра. (Сказал завхоз)...

...ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Занятия прошли хорошо, кроме того, что Лукьянов не был...

...ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Сделать замечания нарушителям! Настроение отличное...

Пожалуй, для человека непосвященного чересчур зашифровано. А вот что написано в «Боевом листке». Красивым фломастером:

«...Будем точно мы призерами. И мы песню сочиняем вечером, за ужином. И мы игры не проиграем...»

Но в чем секрет успеха? Я решаю поспрашивать самих ветеранов «Зарницы».

Санитар Марина Лапицкая

— ...Эта игра интересна еще и тем, что в ней много забавного. К примеру? Один раз у нас захлопнулись складные носилки...

Да, штрафное очко. В носилках лежал толстый мальчик. Мальчик был такой толстый, что его положили и убежали.

Растерялись. И вообще с этой транспортировкой сплошной юмор. Ведь основная задача санитаров — транспортировка «раненых». Все хотели участвовать, а ранеными быть никто не хотел. Ну, а малыши обычно всегда глазят, как мы тренируемся. Сначала мы еле упросили одного малыша быть «раненым». Потом ему понравилось кататься на носилках. И все малыши тогда захотели быть «ранеными». Во время дальнейших тренировок недостатка в «раненых» не было.

Связистка Лена Кондричина

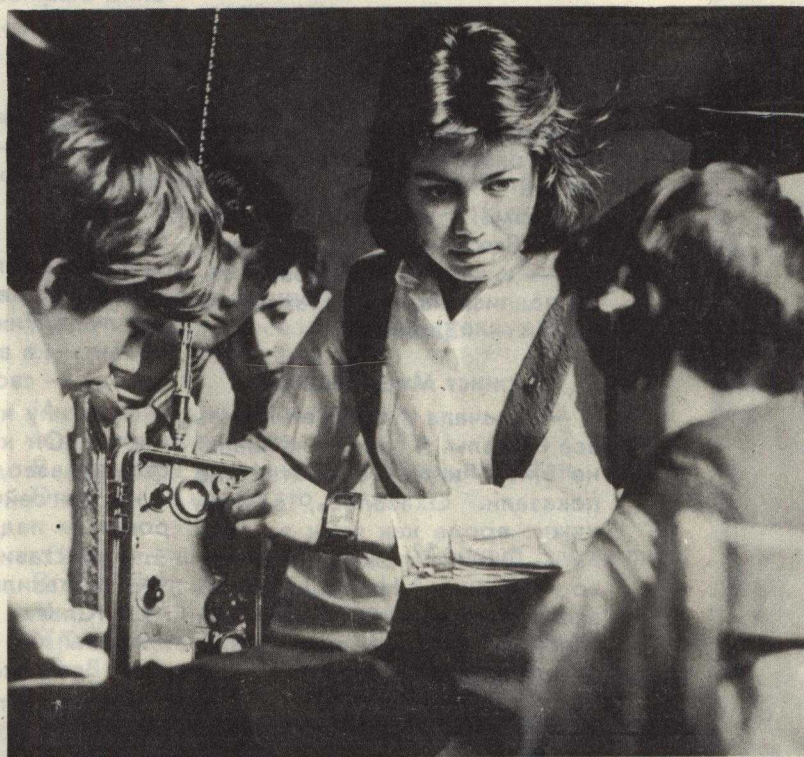
— Через меня раза три ток проходил — поначалу никак не могла научиться провода правильно подсоединять к полемому телефону.

Разведчик Сергей Павлов

— Ползание по-пластунски. Подъем и спуск при помощи

„Оружие любит ласку...“ — говорит ветеран. „...чистку и смазку“, — хором отвечают подопечные.

„Связь порой решает все“, — это говорит опытный радист Лена Кондричина.

У Марины Лапицкой есть что рассказать о транспортировке «раненых»

веревки. Главное — найти способ...

Я знал, что разведчики получили на первенстве кубок, и меня заинтересовал «способ».

— Ну, способ, это когда хорошо приспособишься... — смущенно объяснил мне разведчик Сергей Павлов.

А вот что сказала Оля Прыгова, замполит «Зарницы», член совета командиров:

— Юнармеец должен за 8 секунд надеть противогаз, быстро преодолеть зону, за 35 секунд разобрать и собрать автомат.

Форма? Настоящая, морская. Все юнармейцы 410 школы — в форме моряков. Только надпись на ленточках бескозырки — «Зарница».

Горнист Миша Портала

— Сначала я не умел играть все сигналы. Я только на пианино умею играть. Ребята мне показали. Оказалось, в горн нужно вроде как языки засовывать. Очень сложное искусство — горнить! На тренировках все возмущаются — чего так трубишь, мол... А сами любят дуть в горн.

Начальник школьного штаба «Зарница» Игорь Швайба

— Теперь ветераны «Зарни-

цы» руководят занятиями «зарничников» в младших классах. Два раза в неделю, после уроков.

А вот седьмые классы тренируют их классные командиры. Ведь у седьмых классов уже есть опыт участия в «Зарнице».

— Кстати, сегодня первое в году занятие, — говорит Леонид Ефимович.

Ветер, холод, ряды семи-классников с покрасневшими носами.

— Занятия будете проводить в Нижнем парке, — командует Леонид Ефимович. — Командирам по окончании — доложить!

И классы под руководством своих командиров идут за школу, в Нижний парк. Классы разбиты на взводы. У каждого взвода — свой командир.

Подхожу к одному из командиров. Он как раз объясняет своему взводу:

— ...а сейчас будем тренироваться падать в снег!

— Отставить снежки!

И отставили. Взводом командует Слава Михайлов, командир из 7 «а» класса.

— Вспышка слева!

Все падают в снег. Хотя... некоторые остаются стоять! Посмеиваются. Но, увидев, что все лежат, торопливо и не

очень ловко, зато с воплем, плюхаются в снег.

Здорово, наверное, падать в молодой снег! Тем более вспышки настоящие.

— Встать! Вспышка справа!

Теперь уже все падают в снег — разом.

Слава Михайлов уже два раза участвовал в «Зарнице». Он говорит, что когда проползали под жердочкой — эмблему школы переворачивали. Чтобы не запачкалась.

— Многим ребятам «Зарница» помогает профессию выбрать, — добавляет Слава. — Например, учился у нас в школе Сергей Козлов. В «Зарнице» участвовал, был командиром школьного батальона юнармейцев. Сейчас он уже в мореходке учится. Недавно в школу заходил — на занятия «зарничников».

Потом у ребят — первое занятие с противогазами. В дальнейшем придется бегать в противогазах. Да еще и в защитных костюмах. Но пока — привыкнуть.

Попробуйте просто посидеть в противогазах урок! А чтобы не было скучно, во время противогазного урока показывают диапозитивы.

Что-то, а уж противогазы дисциплинируют! Попробуйте пошептаться на уроке, если на вас противогаз!

Команда: «Снять противогазы!»

Первый раз, а побиты все рекорды! Кажется, все сняли быстрее чем за секунду.

Тайна успеха почти узнана, и я задаю Леониду Ефимовичу Гликману вопрос, который давно уже хочется задать:

— Удастся ли в третий раз занять первенство, как вы думаете?

— На последнем соревновании наши ребята убедились — с каждым годом все больше сильных соперников. Да и дело, наверное, не только в первенстве. Главное, чтобы участвовало все больше ребят. Ведь сначала — огонь, вода, ну, а медные трубы — это уже потом.

*Александр Лисняк
Фото
Ильи Колтуна*

Александр Кушнер

ШИПОВНИК

У шиповника — шипы.
На шиповнике — бутоны.
Вот он блещет у тропы,
Ярко-красный и зеленый.

Даже страшно, что крыльцо
Подошло к нему вплотную.
Жаром пышет он в лицо.
На цветы его подую.

Он глаза мои слепит,
Он костер напоминает.
Он шиповник. Он шипит.
Искры алые роняет.

МОРЕ НА ОТКРЫТКЕ

На открытке, на открытке,
Блещут волны на открытке!
Как же хочется им, пенным,
Чтобы я промок до нитки!

Как режут они, и рвутся,
И гремят о камни глухо!
Им никак не дотянуться
До меня — и дома сухо.

Море бурное, с волнами,
С белоснежным пароходом
И прибрежными горами
Под высоким небосводом!

Хоть бы капелька — ни капли
Ни на люстре, ни на шторе.
До чего же аккуратно.
Я держу в ладонях море!

ВЕЛОСИПЕД

Мне купили, купили, купили,
Мне купили велосипед!
Взяв под мышки, меня на седло посадили.
— До педалей дотянешься? — Нет.

Мне купили, купили, купили,
Мне купили велосипед!
Для меня специально седло опустили.
— Ну, теперь ты дотянешься? — Нет.

Мне купили, купили, купили,
Мне купили велосипед!
Меня по двору несколько раз прокатали.
Ничего замечательней нет!

Мне купили, купили, купили,
Мне купили велосипед!
В коридоре поставили, тряпкой накрыли,
Он стоит, и его будто нет.

«Подрастешь! — говорят. — Не реви! Это ты ли?
Вон у Пети и этого нет!»
Мне купили, купили, купили,
Мне купили велосипед...

Рисунок Ю. Клыкова

ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ ...

Валерий Мусаханов

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Слепкова

Мы тоже встали в круг, и никто из парней не возражал, но я понял, что это из-за Надьки. Они, наверное, подумали, что мы тоже играем так, как она. И мы старались не ударить в грязь лицом. У Кирки вообще-то был хороший сильный пас, и он легко перекидывал мяч через весь довольно большой круг, а я подхватывал низкие пасы, выскакивал в середину, чтобы не дать мячу упасть. И все эти почти взрослые парни приняли нас на равных, и никто из них не смеялся.

На обратном пути мы уже без всякого высокомерия разговаривали с Надькой. Снова прошли весь Михайловский сад, у павильончика Росси спустились по зеленому откосу к Мойке и вымыли руки. А потом медленно шагали по улице Пестеля мимо Инженерного замка и Летнего сада.

— Если бы вы знали, как я рада, что вернулась, — сказала Надька, растягивая слова и запрокидывая голову. — Тут и небо какое-то другое.

— Ты где так научилась играть? — спросил я.

— А там, в Ярославской. Я даже на районных соревнованиях играла за колхоз во взрослой команде.

— А вот здесь музей, — вмешался Кирка, потому что мы проходили мимо Соляного. — Тут все про блокаду. Даже пайка хлеба за стеклом лежит. И танки есть, и самолеты, бомбы невзорвавшиеся. Мы с Валькой тут все знаем.

— Ребята, покажите мне! Я очень хочу, — попросила Надька.

— Конечно, — сказал я, — завтра и сходим.

Только ты выходи пораньше во двор. А потом пойдем в «Спартак», там «Ленинград в борьбе» идет.

Так Надька Мухина стала нашим товарищем.

Но мое обещание сводить ее завтра в кино оказалось опрометчивым. Когда она ушла домой, Кирка спросил меня хмуро:

— Ну ладно, музей бесплатный. А как ты ее в кино поведешь? У тебя на билеты есть?

Денег у меня, разумеется, не было, и Кирка знал это. Он и спросил-то для того, чтобы подковырнуть. Мы уселись во дворе на самодельной скамейке и стали думать, как быть.

Конечно, мы могли попросить денег у наших матерей, но уже понимали, что им и так нелегко.

За годы войны у нас появилась привычка ничего не просить. В трудное блокадное время ни у меня, ни у Кирки матери не запирали еду под замок, как у некоторых мальчишек. Но мы никогда не брали без спросу. Утром мать отрезала мне и себе по ломтю от пайки, и мы пили чай с сушеной морковкой или с сахаром, когда он был. Я, конечно, не наедался, вообще тогда все время хотелось есть и часто думалось о еде, но я не просил еще. Чему меня научил один случай, который я до сих пор вспоминаю со стыдом.

Это было весной сорок второго года, уже кончилась самая голодная, первая блокадная зима. Я здорово отошал и выходил на улицу, пошатываясь и опираясь на лыжную палку. Даже на солнце мне было холодно, и мать поверх пальто и шапки повязывала мне старый шерстяной платок. В этом платке я чувствовал себя какой-то куклой; голова не поворачива-

Продолжение. См. «Костер» № 5, 1975 г.

лась, но зато было теплее. Осторожно и медленно спускался я по нашей пологой лестнице, выходил на парадную, прислонялся к дверям и стоял, закрыв глаза и подставив лицо еще несильному солнцу. Голодный человек очень остро чувствует запахи, и я стоял и прихивался к мокрой земле на газоне нашей улицы, к запаху отсыревшей штукатурки на стенах и ржавого железа крыш. От этих запахов еще сильнее захотелось есть. Почему-то зимой я меньше чувствовал голод, чем теперь, хотя уже прибавили хлеба на карточки. И меня стали донимать мысли о еде. Я уже знал, что чем больше о ней думаешь, тем сильнее хочется есть, но ничего не мог поделать с собой. Я даже потерял сон, и в сутеми белеющей ночи представлял себе жареные макароны, румяные оладьи, котлеты, которые готовила мать до войны. И вот, возбужденный этими ночными видениями и обострившимся из-за них чувством голода, однажды утром, когда мы с матерью позавтракали, съев по обычному ломтю хлеба от дневной пайки, я попросил еще. Я понимал, что поступаю плохо, что вот эта небольшая горбушка, оставшаяся на обед и ужин — все, что есть у нас на день. Но желание поесть было непреодолимым, и я первый раз за всю блокаду заканючил:

— Ма, я хочу еще кусочек, — для убедительности я даже заплакал. Тогда мне шел десятый год, и я еще не научился стыдиться слез.

Мать пристально и строго посмотрела на меня, встала из-за стола, убрала чашки и тарелочку с сушеной морковкой, потом взяла в руки нашу горбушку, оглядела ее со всех сторон, вздохнула и сказала:

— Ты ведь знаешь, у нас больше ничего нету. Мы всегда с тобой делились поровну, хотя я большая, а ты еще маленький. Мне тоже хочется съесть еще кусочек, но я не беру, — мать убрала хлеб в застекленный шкафчик и укрыла его белой салфеткой.

Мне уже стало стыдно, я понимал, что мать права, но из какого-то странного озлобленного упрямства продолжал настаивать на своем, захлебываясь слезами.

— Хочу-у еще-о-о!

— Вон, хлеб в шкафу. Ты сам уже все понимаешь. Поступай как хочешь, — зазвеневшим голосом сказала мать, и у нее на глазах тоже появились слезы. Она быстро собралась и ушла на работу. А я, уже никого не стесняясь, заревел во всю глотку. Плакать почему-то было приятно, слезы как-то поддерживали сознание своей правоты. Я ходил по небольшой нашей комнате, плакал и глядел затуманенными глазами в стекло шкафчика, за которым лежал хлеб, укрытый салфеткой. Потом я перестал плакать и все ходил и смотрел на шкафчик. Что-то удерживало меня, но сквозь стекло были видны дразнящие очертания горбушки под белой материей, и я представлял себе, как отрежу ломтик — совсем тоненький, — откушу сначала верхнюю румяную

корку и буду жевать медленно-медленно, чтобы продлить удовольствие. Я подошел и выдвинул ящик шкафчика, достал из него хлебный нож. На лезвии пристало немного сыровой хлебной массы, я соскреб ее ногтем, отправил в рот и хотел положить нож обратно и не трогать хлеб до прихода матери. Пусть она не думает, что я такой уж нетерпеливый. Но малюсенький этот комочек хлебного мякиша, который я соскреб с ножа, вдруг вызвал такое чувство голода, что я не мог удержаться. Каким-то вороватым быстрым движением я открыл стеклянную дверцу и вытащил хлеб из-под салфетки.

Я держал эту горбушку на ладони, смотрел на нее и не мог решиться ни на что. Почему-то в материнских руках горбушка казалась мне гораздо больше, а теперь я увидел, что она совсем маленькая. Я все смотрел на нее и прикидывал, как отрезать тоненький ломтик, чтобы это было совсем незаметно. Правая рука с ножом сама потянулась к хлебу. У меня получился какой-то косой, тонкий до прозрачности ломтик. Он мгновенно истаял во рту. И, уже ничего не соображая, я отрезал еще... Наверное, это было какое-то помрачение. Я помню только, как работали зубы и челюсти, как судорожно я глотал хлеб. А потом вдруг пришла ясность, и с ужасом я понял, что съел всю пайку.

Я лег на диван, укрылся с головой материнским старым халатом, чтобы не видеть дневного света. И лежал так без сна и без мысли в тупой безразличной подавленности. Я не высунул головы из-под халата даже когда вернулась с работы мать. Мне стыдно было смотреть ей в глаза.

Утром мать разбудила к завтраку. Увидел ее усталое осунувшееся лицо, все сразу вспомнил и снова закрыл глаза. Но мать наклонилась ко мне, ее волосы защекотали мне шею, и она прошептала прямо в ухо:

— Ну, вставай, дурачок, я на работу опаздываю, — и поцеловала в лоб.

И все было как всегда. Мы съели по одинаковому ломтю хлеба и напились кипятку с сушеной морковкой. И пайка по-прежнему лежала в стеклянном шкафчике, укрытая белой салфеткой, но я и не думал дотрагиваться до нее.

С тех пор я никогда ничего не просил у матери — ни лишнего куска, ни денег. Я знал, что она и так отдает мне все, что может.

Кирка тоже никогда ничего не просил у своей матери. Возможно, и в его жизни был какой-нибудь похожий случай, но мы никогда не говорили о таких вещах.

Вот поэтому мы сидели во дворе и думали, как раздобыть денег, чтобы сводить Надьку Мухину в кино.

Выход нашелся неожиданно.

Я уже не помню, кому первому пришло в голову продать книги. У нас с Киркой накопилась порядочная библиотека. Мы очень любили книги, собирали их в войну в разрушенных домах, выменивали у других парней, иногда

даже находили на помойке. Потому что в старые квартиры, вместо умерших, вселялись новые жильцы, и вместе с хламом прежних владельцев часто выкидывали книги, особенно старые и рваные. Наша с Киркой библиотека охватывала, пожалуй, все отрасли знаний. Многие книги мы читали с удовольствием, часть — без интереса, а некоторые были нам совсем непонятны.

И вот мы с Киркой наскоро пересмотрели нашу библиотеку, выбрали несколько книг потоньше, которые казались нам неинтересными, и побежали на Литейный в букинистический магазин.

Миновав небольшой зал, все стены которого были закрыты полками со старыми книгами, мы по двум ступенькам спустились в тесную, пыльную каморку, на двери которой было написано: «Покупка книг».

С низкого потолка на шнуре свисала тусклая пыльная лампочка, в уголке стоял стол, покрытый сероватой бумагой, а кругом были книги — они громоздились пачками на полу, стояли шеренгами на полках, занимали почти весь стол. И среди всей этой тесноты на низкой табуретке сидел маленький, похожий на гнома старичок. Его длинные седые волосы блестели в тусклом свете и отливали желтизной, лицо было желтым, как пергамент. Старичок сверкнул на нас яркими синими глазами из-под лохматых белых бровей и сказал тонким скрипучим голосом:

— Все, молодые люди, покупка кончилась, — и засунул маленькие руки в карманы коричневой жилетки.

Обескураженно застыли мы на пороге.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Кирка, — а во сколько завтра можно прийти?

— А завтра вообще не будет. У нас покупка через день, — старичок отвернулся от нас и стал перебирать книги на полке.

— Пошли, — тихо сказал я Кирке и перехватил поудобнее книги под мышкой. Но тут старичок повернулся и спросил:

— А что у вас, молодые люди? Может быть, вам и приходиться не стоит. Мы ведь не все покупаем, — он быстро шагнул ко мне и вытащил книги из-под мышки. — Так, — он поднес одну книгу близко к глазам, осмотрел, даже обнюхал, — эта подойдет, — бережно положил он книгу на стол.

Кирка подмигнул мне. Старичок уже перелистывал другую мою книгу, осматривал корешок и переплет, почему-то покачивал головой и шумно вздыхал, потом посмотрел на меня внимательно.

— Это ваши книги, молодой человек? Как они к вам попали?

Кирка рассказал, как мы собирали книги в войну, как подбираем их и сейчас, если встречаем на помойке.

— Это хорошо, — сказал старичок. — Вы молодцы.

Потом посмотрел книги, которые держал Кирка, положил их на стол, а одну оставил.

— А вот эту бы продавать не надо, — сказал он. — Вы подрастаете, и она станет вашим другом. Даже ради этой одной книги стоит изучить английский, — старичок полистал книгу, подошел и встал под самую лампочку, пошевелил губами, водя пальцем по строчкам, и сказал нам тихим взволнованным голосом: — Послушайте только. «За боль мы платим всем, что радость может дать, и умираем лишь от жажды жить», — он закрыл книгу и постоял, задумчиво опустив желтоватую длинноволосую голову.

— Да, конечно... Вам это пока рановато, — сказал он печально.

На следующий день мы пошли в музей с Надькой Мухиной.

В холодноватых залах было безлюдно и тихо, и звук наших шагов по цементному полу казался особенно громким. Мы сазу повели Надьку туда, где стояли самолеты «ИЛ-2» и «ЯК-5» и где под потолком на толстых стальных тросах был подвешен двухмоторный бомбардировщик, летавший бомбить Берлин. Этот зал особенно нравился нам с Киркой, потому что там все было настоящее: стояли танки, орудия и даже торпедный катер. Еще мы с интересом смотрели диорамы боев за стеклом. Одна диорама показывала Дорогу жизни через Ладожское озеро. Весь фон — белое поле озера, далекие деревья с черноугольными стволами — был нарисован, а на переднем плане колонной шли маленькие, но сделанные, как настоящие, грузовики с продуктами, стояли маленькие зенитные орудия, фигурки регулировщиков с флажками; вверху на прозрачных незаметных ниточках были подвешены макеты истребителей, охранявших трассу, и все это подсвечено скрытыми лампами, будто холодным зимним солнцем, и выглядело очень натурально. Была еще в музее диорама прорыва блокады. Там наши солдаты шли в атаку, взрывались мины, стреляли орудия, и тоже все выглядело всамделишным. Но ни диорама, ни самолеты и танки не произвели на Надьку никакого впечатления. А вот у картины, на которой была нарисована зимняя блокадная улица с бело-синими сугробами до окон второго этажа, закутанные в разное тряпье люди с темными лицами и пронзительно светлыми глазами и санки с бачками воды, повисшие, оборванные провода и трамвай с выбитыми стеклами, наполненный снегом, Надька стояла долго. Я тоже смотрел на эту картину, и Кирка смотрел. В музейном зале было тихо, лишь изредка слышался шум шагов. И я вдруг почувствовал, что зябну, будто зимняя стужа сорок первого года из этой картины потекла в большой музейный зал, наполненный тишиной. Я даже сжался от холода, но уже не мог отвести глаз от картины. Где-то в глубине сознания мелькнула радостная мысль, что на дворе — июньская теплынь и мирный сорок шестой год, но картина в про-

стой квадратной раме была, как дверь, распахнутая в наше недавнее прошлое. И за этой дверью я увидел себя.

Я увидел себя маленьким, в зимнем пальто, крест-накрест перевязанным материнским шерстяным платком, в старых ботах. Я брел в ущелье между стенами домов и снеговыми горами, часто перекладывая дужку трехлитрового бидона из руки в руку. Когда я останавливался отдохнуть, то не ставил бидон на снег, боялся, что он примерзнет. И путь от проруби на набережной Невы до нашего дома казался мне бесконечным...

Потом я увидел чердак нашего дома, освещенный белым слепящим светом зажигательной бомбы, увидел Кирку в затлевшей кургузой шубейке, поднимающего тяжелый мешок с песком, чтобы бросить его в это слепящее пламя...

«Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!» — вспомнились мне стихи Джамбула. Они были отпечатаны крупными буквами и, как плакаты, расклеены на стенах домов...

Стараясь не топать, мы прошли через тихие залы и вышли на желтый от солнца и теплый Соляной переулок.

По улице Пестеля спешили по своим делам люди, проносились машины. Надька и Кирка о чем-то тихо разговаривали, а я шел и думал о том времени, которое осталось лишь там, в холодных залах музея. Мы, конечно, были тогда малышами, мы не стреляли из пушек, не держали оборону в окопах под Пулковом, не водили машины по Дороге жизни, и десяток «зажигалок», потушенных нами, пожалуй, не в счет, но у меня было такое чувство, что мы тоже воевали. Воевали уже тем, что старались учиться в холодных классах, где в чернильницах замерзали чернила. Во все времена в осажденных городах и крепостях детей считали слабостью и обузой защитников, а мы в Ленинграде старались быть их поддержкой и силой — это и была наша война. И мы выстояли вместе с солдатами, вместе со взрослыми.

Мы медленно шли по теплой солнечной улице нашего города. В кино уже не хотелось, Надька и Кирка тихо разговаривали, а я молчал и смотрел на белоколонный портик церкви, замыкавший перспективу.

После того, как мы побывали в букинистическом магазине, нам захотелось избавиться от ненужных книг и вместо них приобрести интересные. Мы несколько раз пересматривали нашу библиотеку, отбирали то, что казалось неинтересным или непонятным, и носили на Литейный старому букинисту.

— Зря, молодые люди, зря реализуете, — говорил он. — Вот подрастете и такой книги уже не добудете.

Мы с Киркой отмалчивались, потому что книга, о которой сожалел Петр Борисович, была непонятна нам или скучна, а хотелось

книг о приключениях и путешествиях, об устройстве кораблей и самолетов, и мы покупали именно такие книги. Правда, иногда следовали и советам Петра Борисовича. Для нас он оставил однотомник Пушкина.

— Это редкое издание, — сказал Петр Борисович. — Тут почти весь Пушкин, нет только писем, набросков и журнальных статей. С такими книгами и нужно жить.

— Спасибо, — сказал Кирка.

— Мне не за что — Пушкину спасибо говорить надо. А вы все какого-то «Профессора черной магии» читаете. Чепуха это. Классику читать надо, и собирать нужно классику.

Иногда мы просто так заходили к Петру Борисовичу подышать пыльным воздухом, пропитанным ароматом книг, помогали ему перекладывать толстые пачки старых журналов, перевязанные шпагатом, смотрели старинные гравюры в книгах по искусству и молча страдали от того, что не можем купить приглянувшийся томик.

Но вскоре случай помог получить почти постоянный заработок.

Как-то под вечер, когда солнце освещало только один угол и развалины флигеля, во двор въехал грузовик. Кузов его выше бортов был нагружен березовой трехметровкой. Грузовик развернулся, попятился задом к развалинам флигеля и остановился. Из кабины вылезли сержант-шофер и солдат. Они откинули задний борт и быстро скинули дрова. Машина уехала. А во дворе сладковато запахло свежей березовой древесиной.

Мы с Киркой спустились со стены разбитого флигеля, где грелись на солнце, ползали по завалу из толстых бревнышек, поговорили о том, что самые лучшие дрова — это береза, и тут вышла во двор тетя Ира Рощина. Она медленно обошла кучу бревен вокруг, зачем-то потрогала срез одного комля и сказала тихо и растерянно:

— Что же я с ними делать-то буду?

— Как «что»? — переспросил Кирка. — Хорошие дрова. Сыроваты, правда, но к зиме подсохнут. Распилите, расколоте, сложите клеткой в подвал, они и высохнут.

— Вот-вот, — сокрушенно покачала головой тетя Ира. — Кто же их пилить и колоть будет? — Она поглядела на нас и спросила: — Может, вы возьметесь, мальчики? А то мне одной никак, да и пилы у меня нету. Я заплачу, сколько надо. А, мальчики?

Кирка молча посмотрел на меня.

Вообще-то мы раньше пилили дрова, но только так, для себя. Да и дровами-то назвать те старые доски и трухлявые балки из разрушенных домов было нельзя. И я сказал не очень уверенно:

— Попробуем... только денег не надо.

— Ну, нет, — сказала тетя Ира. — Работа есть работа. Начинайте завтра с утра, может, к вечеру управитесь.

Тетя Ира ушла. А Кирка сказал хмуро:

— Пошли скобы искать на разрушке.

— Зачем? — удивленно спросил я.

— А чем козлы скреплять? Тоже мне, пильщик. Будем тут неделю с этой березой возить — весь дом насмешим.

— Да ну, — отмахнулся я, — не пугай. За два дня осилим.

Скобы мы нашли сразу в развалинах котельной на Артиллерийской улице. Шесть здоровых ржавых железяк с острыми загнутыми концами — они и вправду были похожи на квадратные скобки в алгебраических примерах. Ладони наши стали коричневыми от ржавчины, пока мы несли их. А во дворе на толстом бревне сидела Надька Мухина. Завидев нас, она вскочила и крикнула:

— Ребята, вы Рощиной дрова пилить будете? Можно и я с вами. У нас колун большой есть. А я умею и пилить, и колоть. Что, не верите? — она засмеялась, прищунив глаза, откинув голову назад.

Я с сомнением посмотрел на ее тонкие руки и уже хотел сказать что-нибудь эдакое недоверчивое, но Кирка опередил.

— Ладно, — ответил он ворчливо. — Сперва козлы надо сколотить.

Мы с Надькой остались во дворе, а Кирка сбегал за пилой и топором.

— Вот из этого выйдет хребтина, — указал он на толстое бревно. — А эти пойдут на ноги. Выволакивай.

Мы вытащили бревно, положили под него полено потоньше и стали пилить. Надька уехала на бревно верхом, чтобы оно не катилось.

Наконец короткая плашка со стуком упала на булыжник. Мы с Киркой выпрямились. От кучи опилок сильно пахло свежестью, и я глубоко вдыхал этот запах.

— Вот, — сказал Кирка, — я буду пазы вырубать. А вы две жерди распилите пополам.

С Надькой Мухиной пилить было легче. Она плавно тянула пилу к себе, а Кирка дергал. Я подчинился заданному Надькой ритму и даже не заметил, как мы распилили два тонких бревнышка. Кирка сосредоточенно тюкал топором, вырубая пазы, а мы сели тут же на дрова и стали следить за его работой.

— Ты где так научилась пилить? — спросил я у Надьки.

— А там, в эвакуации. У нас печь в доме была с плитой, труба прямая навывлет, а вьюшка расколота, щербатая. Дров не напасешься. Сами с матерью и в лес ходили. Найдем большую сушину, снег разгребем и спилим... Иногда на неделю хватало, если морозов больших не было, — ответила Надька, задумчиво глядя куда-то в угол двора.

— Здорово. А потом на лошади возили? — спросил я.

— Нет, так, на себе.

— Как на себе?

— Впрягались с матерью в санки и возили по три-четыре швырка, а уж потом в палисаднике на короткие плашки пилили. Да и летом пилили. Обед-то надо варить, — не поворачи-

вая головы, сказала Надька, и голос у нее был грустный и тихий.

Кирка вырубил пазы в хребтине и взялся затесывать ноги. Я встал и сказал:

— Пойду за напильником, будем с Надькой пилу точить.

Кирка не ответил, только кивнул головой. Он вообще когда делал какую-нибудь работу, становился серьезным и очень молчаливым.

В ящике с инструментом у меня давно лежал новый ромбический напильник. И вот я вколотил его острый хвостовик в подходящую чурку, строганул несколько раз ножом, чтобы получилось подобие ручки, и спустился во двор.

Кирка не спеша тюкал топором. Надька держала полотно пилы, а я подтачивал напильником зубья. Тюк-тюк, тюк-тюк, — ритмично выговаривал топор; дзинь, — протяжно отзывалась под напильником пила. И наш старый двор, наполненный запахом свежей березы, казался таким уютным в красноватом предвечернем свете.

Мы уходили, когда солнце уже село, и в сизоватых светлых сумерках во дворе оставался сделанный нами козел — хребтина, четыре раскосых ноги и торчащие вверх рога, — береста была с серыми пятнами, точь-в-точь козлиная шерсть, не хватало только хвоста и бо-роды.

— Завтра в семь утра, — командирским тоном сказал Кирка. — Не проспите.

Но я почти и не спал. Ворочался всю ночь на своем диване, время от времени открывал глаза и смотрел на циферблат ходиков и только под утро забылся беспокойным сном. Но проснулся раньше матери, и когда она встала, то даже удивилась:

— Куда ты это спозаранок?

— Мы дрова пилить будем. Рощина просила.

— Ладно, — сказала мать. — Все дело какое-то. Только пообедать не забудь.

Во дворе еще никого не было. Я уселся на козла верхом и стал ждать. Первой пришла Надька. Ее длинная тощая фигура появилась в пролете арки, потом прослышалось тихое навсвистывание. В руке Надька несла здоровенный колун на длинном желтом черенке.

— Здравствуй. А Кирки еще нет?

— Он только других торопить любит, а сам — копуха... Выйдет сейчас. Я бы его высвистал сразу, да люди еще спят.

— Ну, подождем, — сказала Надька, перехватила черенок двумя руками и с размаху всадила колун в торец бревна. Я соскочил с козла и дернул за черенок, чтобы вытащить колун, но он нисколько не подался.

— Да не так, — сказала Надька. — Так никогда не вытащишь. Ударь просто ладошкой по концу топорика.

Я послушался Надькиного совета, и колун шатнулся в бревне. Я покачал за черенок и вытащил его.

— Ловко, — сказал я Надьке с уважением.

Она не ответила, оторвала кусочек бересты и стала жевать его. И тут как раз появился Кирка.

— Мы не опоздали? — ехидно спросил я.

Кирка со звоном положил пилу на кучу бревен, набычившись, взглянул на меня и достал из-за пазухи две пары брезентовых рабочих рукавиц.

— Вот я чего искал. Помню, что были у отца, а где, не знаю, и мать не знает. Еле нашел. Надевай, — он бросил мне пару.

Тускло-зеленый брезент был неподатливым и шершавым, пальцы в рукавицах сгибались с трудом, но казалось, что от этого руки стали сильнее.

— Начнем, — сказал я.

— Ребята, сначала вот это, толстое распилите. И будет плаха, на которой колоть можно, — сказала Надька.

Еле-еле подняли мы это толстое бревно на козла, положили между рогов.

— Мне надо короче плаху, а то на ней колоть неудобно, когда она высокая, — сказала Надька.

— Да ну, — отмахнулся Кирка. — Нашелся древокол.

— Ладно, давай отпилим короче, — сказал я Кирке и спросил у Надьки, передвинув пилу: — Так нормально?

— Ага, — кивнула она.

Я потянул пилу на себя, и заточенные зубья с легким шорохом вгрызлись в бересту и коричневую корку под ней, потом брызнули желтоватые опилки и пахло свежестью. Мы с Киркой почти сразу вошли в ритм, и руки наши двигались, словно отдельно от тела.

После третьего бревна мы уже взмокли и скинули рубашки. А Надька спокойно и на вид не сильно тюкала колуном, но горка наколотых поленьев возле ее плахи все увеличивалась. Потом я уже перестал замечать что-либо вокруг, только тянул пилу, чувствовал жар на лице, слышал монотонное вжиканье зубьев, ритмичные глухие удары колуна и стук поленьев по булыжнику. И момент, когда мы, допилив бревно, клали на козла следующее, казался мне отдыхом. Кирка тоже притомился. Но никто из нас не хотел говорить об отдыхе первым. Выручила Надька.

— Ребята! Перерыв, — крикнула она.

Мы допилили плаху и сели на чурбаки. Ладонью я вытер пот со лба, посмотрел на кучу дров, и меня поразило то, что она почти не уменьшилась. А мне казалось, что мы распилили так много.

— Да, — сказал я отдышавшись, — тут и за два дня не справиться.

— Ерунда, — ответила Надька. — Глаза боятся, а руки делают. Я тебя подменю, — сказала она, а потом — Кирку.

— Нет, не надо, — глядя в землю, ответил Кирка. — Ты коли, у тебя хорошо идет. А мы еще напилем, чтобы тебя обеспечить, и потом начнем в подвал кидать через окошко — вот и отдохнем от пилки. Все равно колотые по-

ленья во дворе оставлять нельзя — растащат. — Кирка поднялся и стал надевать рукавицы. Я тоже встал, почувствовал, как ноют плечи, но ничего не сказал, сунул руки в неподатливые рукавицы и похлопал в ладоши.

И снова вжикала пила, глухо ударял колуном, со стуком падали поленья на булыжник, и пот заливал глаза. Но пилить было уже не так трудно, как вначале. Дышалось ровно, ну, может быть, чуть чаще, чем обычно. И пила, казалось, легче входит в желтоватую березовую древесину. Потом мы отдыхали и снова принимались пилить. Кидали наколотые Надькой поленья клетками возле стены в прохладной полутьме подвала, и снова пилили, пока не почувствовали, что совсем обессилели.

— Хватит! — крикнула Надька. — Закинем в подвал все наколотые и пойдем купаться, пока солнце есть. Завтра закончим.

Мы пилили эти дрова еще два дня и уставали здорово. Но когда последнее полено было уложено в подвале на верх аккуратной клетки, я почувствовал радость оттого, что мы все-таки справились с этой работой. Мы с Киркой хотели распилить и нашего козла, но Надька сказала:

— Не надо. Он красивый. И мы еще кому-нибудь будем пилить.

— Когда это еще будет?! — сказал я.

— Сейчас многие дрова покупают, а пилить некому, — возразила Надька.

И мы с Киркой послушались ее и затащили козла в подвал. А заработок поделили на троих.

После этого Надька все шныряла по окрестным дворам и выпрашивала, не нужно ли кому-нибудь пилить дрова. И желающие находились. Так что почти все лето у нас была работа.

На заработанные деньги Надька покупала конфеты, альбомы для рисования и краски. Она хорошо рисовала, у нее все получалось очень похоже. А мы с Киркой охотились за интересными книгами. Как раз в то время в магазинах появились велосипеды. В огромном зале первого этажа универсама ДЛТ они выстроились колесо к колесу в специальной деревянной стойке и голубовато сверкали никелем под электрическим светом. Мы с Киркой могли часами стоять возле велосипедов, любясь желтыми, блестящими новой кожей седлами и треугольными, похожими на пистолетные кобуры сумками для инструмента, пристегнутыми к продольной трубе рамы. Мы смотрели на тускло поблескивающую смазкой цепь, на педали и уже воображали себя несущимися по улице. Шелестит ветер в ушах и бежит-бежит навстречу асфальтовая лента, и пешеходы остаются позади... Мне даже один раз приснилось, что я еду на таком велосипеде.

Иногда мы ходили на барахолку поглазеть на диковинные старинные вещи, просто пошатались в сутолоке среди крикливых и чем-то необычных людей и, конечно, посмотреть велосипеды. На барахолке был целый ряд, где про-

давались мотоциклы, велосипеды и даже автомобили. Мотоциклы и машины были большей частью допотопными, как какие-нибудь ископаемые ящеры. Мы один раз видели даже автомобиль с деревянными колесами и чуть ли не с паровым двигателем. Вокруг этого чуда техники собралась такая толпа, что нам с Киркой с трудом удалось пробиться поближе и посмотреть. Автомобиль произвел на нас такое же впечатление, какое мог бы произвести мамонт, появившись он где-нибудь на ленинградской улице. Его дубовые тележные колеса были больше моего роста, и вообще он был похож на карету, в которой Золушка ездила на бал; стеганный плюшевый диванчик синего цвета стоял на прямоугольной тележной платформе, покрытой ковром, над диванчиком была натянута крыша из черной потрескавшейся кожи, по краям крыша была отделана выцветшей золотой бахромой, а по углам ее еще вдобавок болтались большие тяжелые кисти из золотого шнура. Сидение для шофера было высоко на козлах, а впереди — огромный, похожий на лежащую медную бочку двигатель с какими-то паровозными рычагами, идущими вниз, к осям колес, и над всем этим тускло-медным удивительным устройством на стойках были укреплены два граненых фонаря, точь-в-точь таких, как на мосту через Мойку у Инженерного замка. Мы околачивались больше всего возле велосипедов и даже приценивались к тем, что выглядели поплотнее — с ржавыми ободами колес, помятыми щитками и погнутыми спицами. Но все равно даже такие велосипеды были нам недоступны. И оставалось лишь ждать, когда мы заработаем достаточную сумму.

А наши матери так ничего и не знали до поры. Они вообще ни о чем не догадывались: ни о нашей букинистической деятельности, ни о походах на барахолку, ни о желании иметь велосипед, ни о сбережениях. То, что наша библиотека здорово выросла, они тоже не замечали. В квартире у Кирки был небольшой чулан, в котором когда-то его отец устроил столярную мастерскую. Этот чулан Кирка и занял по праву наследства. Мы с ним сколотили стеллажи и рядами расставили свои книги. Верстак Киркиного отца заменял нам стол, а скамейку мы тоже смастерили сами. Киркина мать никогда не заглядывала в этот чулан, — очень уж она уставала на дежурствах у себя в больнице. Да и моя мать уставала здорово. Вообще тогда мы не понимали, как трудно нашим матерям, вернее, понимали, но были слишком эгоистичны, поглощены собой, своими желаниями, чтобы по-настоящему задуматься об этом. Мы воспринимали как должное то, что наши матери, вернувшись с работы, тут же принимались за стирку, уборку и стирку. Я только потом понял, что моя мать почти всю жизнь провела на ногах. Она стояла на кухне у примуса, стояла за корытом, стирая мои вечно грязные рубашки, стояла в очередях за продуктами. Даже очень устав,

мать отдыхала стоя. Она подходила к окну и стояла, опустив руки и прикрыв глаза, и по ее неулыбчивому лицу я понимал, что она смотрит на улицу, но ничего не видит.

Не знаю, замечал ли я все это тогда и понимал ли; может быть, только сейчас, когда усталое и красивое лицо матери, с полужакрытыми глазами стоящей у окна, всплывает в памяти, я начинаю понимать, как трудно ей было тогда и каким я бывал тупым и черствым.

Занятия в седьмом классе мы начали охотно, с твердой решимостью учиться как можно лучше. Мы уже подумывали о летней школе и понимали, что для поступления в нее нужен аттестат с приличными оценками.

В зимние каникулы мы снова зачастили на барахолку, потому что хотели побыстрее, уже к весне, купить велосипед. Правда, зимой там было затишье. Ни велосипедов, ни мотоциклов не продавали, только изредка на площадке толкались какие-то люди и среди их отрывочных разговоров мы улавливали волнующие названия марок мотоциклов: «Индиана», «Триумф», «Ковентри», «Цюнтап». И там мы познакомились с одним дядькой. Приплясывая, чтобы согреть ноги, он подошел к нам. Маленький, толстый такой дядька в потертом коричневом треухе и кожаном полупальто-канадке. Он окинул нас хитроватым взглядом узких глаз из-под низко надвинутого треуха, хрипловато спросил:

— Ну, что ищете, ребята, что продаете?

Он вытащил пачку «Беломора», закурил, крутнув колесико самодельной зажигалки из гильзы винтовочного патрона.

Мне почудилась какая-то насмешка в его вопросе, а тогда я считал себя человеком очень серьезным и насмешек не любил. Поэтому я не ответил. Кирка тоже промолчал. Но дядька не отошел. Он опять усмехнулся и сказал:

— Таким ребятам надо технику осваивать. Сколько вам, лет по семнадцать? Самое время колеса приобретать, — он выпустил длинную струйку папиросного дыма, смешанного с морозным паром, и снова стал приплясывать.

Я был польщен, что дядька принял нас с Киркой за семнадцатилетних, прибавив нам почти по два года. И его лицо и глаза уже не казались мне насмешливыми — просто веселый такой дядька. И я ответил ему:

— Да вот хотим купить велосипед, но не попадается такой... — я чуть было не сказал дешевый, но осекся. Почему-то говорить, что нам нужен недорогой велосипед, было стыдно.

— Хо! Велосипед, — дядька махнул рукой в пестрой вязаной варежке, — да это вчерашний день техники. В-е-л-о-с-и-п-е-д, — повторил он, пренебрежительно растягивая слово. — Много движений и мало достижений. Нет, ребята, на мускульном движке теперь далеко не уедешь. Мотор! Мотор, — он потряс поднятой рукой, — вот что теперь главное.

Война у нас была какая? — он сделал внушительную паузу и сказал негромко и значительно: — Война моторов. Смогли мы создать перевес в технике — и победили.

Мы с Киркой внимательно слушали дядьку. И мне казалось, что он прав: велосипед, действительно, не техника в сравнении с мотоциклом. Но о мотоцикле даже и мечтать не стоило.

— Мотоцикл дорогой, и права нужны, — сказал Кирка.

— Да я разве что говорю, — сказал дядька и, перестав приплясывать, подошел вплотную. — Вот я вам сейчас покажу одну вещь — заболаете сразу, — он бросил окуроч, затоптал его в грязный заслеженный снег и полез во внутренний карман канадки, достал небольшую фотографию с отломанным уголком и протянул нам.

Жесткий кусочек картона был теплым, я держал его на ладони и старался, чтобы пар от дыхания не попадал на него. Рядом сопел Кирка.

На этой фотографии, на фоне берез парень в майке и галифе, заправленных в сапоги, сидел на маленьком мотоцикле. Сначала я увидел мускулы на плечах парня, сильную перебитую мышцами шею и наклоненную вперед лобастую голову с коротким и жестким на вид ежиком волос, а потом я уже рассмотрел мотоцикл. Нет, это был не мотоцикл, а что-то другое. Колеса были больше и тоньше, как велосипедные, и педали я увидел четко. Но это был и не велосипед, потому что в раме стоял одноцилиндровый мотор, а над ним — бензиновый бачок. На руле была маленькая фара, и солнце играло в щитках колес.

— Вело-мото, — словно издали послышался голос дядьки. — Вот, сын привез с войны.

Я с трудом оторвал взгляд от фотографии, вернул ее. И почему-то тревожное и радостное предчувствие охватило меня, будто вот-вот должно случиться что-то удивительное.

Дядька пристально смотрел на меня, и под его взглядом я почувствовал, что краснею на легком морозе, — лицу стало жарко.

— Вот, продаю. Недолго парень мой показался, — сказал дядька и опустил голову. — Он и осколок привез с войны — здесь, — рука в пестрой варежке постучала по груди.

Я смотрел на вдруг понурившегося дядьку и чувствовал одновременно и грусть, и радостное волнение.

Дядька поднял голову и сказал негромко: — Вот, стало быть, продаю, не ржаветь же теперь машине. Пусть послужит другим. Я-то староват для такого транспорта, а вам — в самый раз, — он снова достал папиросу и чиркнул зажигалкой.

— Но у нас денег не хватит, — сказал Кирка, и по его голосу я понял, что он испытывает те же чувства, что и я.

— Да я не заломлю, чего с вас брать. Просто охота, чтоб молодым достался.

Сердце у меня вздрогнуло.

Кирка шумно выдохнул, выпустив целый клуб пара.

— Да вы посмотрите, пойдете, — уже снова улыбаясь, сказал дядька. — Здесь близко, на Курской.

По крутой темной лестнице мы поднялись на третий этаж. Дядька достал ключ и сказал каким-то заговорщицким тоном:

— Меня Иваном Николаевичем зовут, вы уж меня так дома и величайте. И сами назовитесь.

— Я — Кирилл, а он — Валентин.

— Вот и хорошо, хорошо. Вы уж так... хозяйке моей постарайтесь показаться.

Вслед за Иваном Николаевичем мы вошли в тесную прихожую. Долго топтались на коврик, вытирая ноги. А Иван Николаевич преувеличенно веселым голосом закричал в длинный коридорчик:

— Маша, Машенька!

Высокая худощавая женщина медленно прошла по коридорчику к нам в переднюю. Мы поздоровались, она ответила только наклоном головы.

— Маша, вот я мальчиков привел, хорошие мальчики, — продам им Колин мотоциклик. Чего уж теперь... — он не закончил фразы, а только безнадежно махнул рукой.

Женщина подошла поближе и внимательно посмотрела на каждого из нас. Лицо у нее было старое, но красивое, а глаза — какие-то неподвижные.

— Мойте руки, будем обедать, — вдруг сказала она высоким чистым голосом и, повернувшись, пошла по коридору.

Иван Николаевич подмигнул нам и шепнул: — Раздевайтесь, ребята.

Мы сидели за круглым столом в большой светлой комнате, а с портрета на стене на нас смотрел, улыбаясь, лейтенант в пилотке набекарь; на гимнастерке лейтенанта было два ордена Красной Звезды и несколько медалей. Я узнал в этом лейтенанте того самого парня, который сфотографировался на фоне берез, сидя на вело-мото.

Мы почти ничего не ели, хотя обед был вкусный — и борщ, и жаркое. Очень уж не терпелось посмотреть вело-мото.

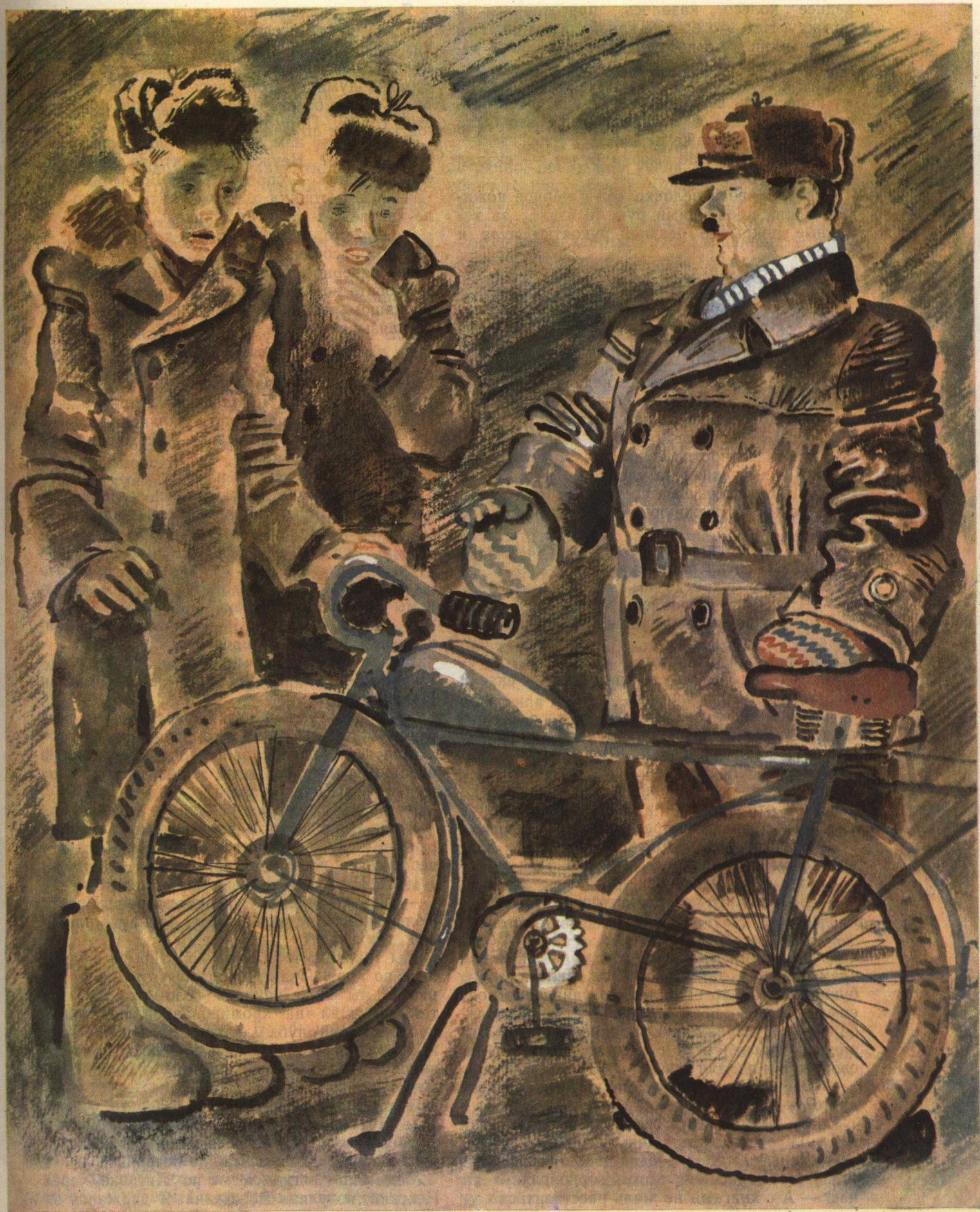
Наконец обед закончился. Иван Николаевич закурил свою беломорину. Мы сказали «спасибо».

— Машенька, так мы пойдем, посмотрим. Должны же ребята видеть, что покупают, — сказал он тихо.

— Отдай им так. Зачем тебе деньги? — она посмотрела на портрет лейтенанта на стене.

— Да я ведь немного с них прошу. А так отдавать нельзя, ценить не будут. Ну, пойдем.

Мы надели пальто и по черной лестнице спустились во двор. Иван Николаевич отомкнул дверь сарая. И в уже тускнеющем свете зимнего дня мы увидели вело-мото. Он стоял на хромированной подставке, поблескивая голубым лаком щитков и бачка, и, задрав пе-

реднее колесо, казалось, приготовился к прыжку. Нет, это был не какой-то там ржавый велосипедишко, о котором мы мечтали. У него были толстенькие колеса и два седла — переднее и заднее. От мотора шла цепь к заднему колесу. Он соединял в себе сразу достоинства велосипеда и мотоцикла. Да, это была машина! Такая даже не снилась нам.

— А ну, сядь. Не высоко будет, — сказал мне Иван Николаевич.

Я торопливо и неловко сел в черное кожаное седло, дрожащими руками взялся за холодные, покрытые резиной рукоятки, руля и замер...

Потом сел Кирка. Нос у него покраснел, губа была прикушена так, что стала белая.

— Ну вот, ребята, — сказал Иван Николаевич. — Нравится?

Я только кивнул.

— Мы его купим, — вдруг решительно сказал Кирка. — Только через неделю. Ну от силы — десять дней. Только вы никому не продавайте, подождите, пожалуйста.

— Все! Уговор есть уговор, — сказал Иван Николаевич и протянул нам руку. Мы попрощались и выскочили на улицу.

На Лиговке дул встречный ветер и бросал в лицо колючую снежную крупку, но мне было жарко.

Когда мы пришли, я уселся на скамейку в чулане и спросил растерянно:

— Ну, что будем делать?

— Что... вот, прощайся, — и Кирка взглядом указал на шеренги книжных корешков на полках.

Я не понял и удивился.

— Ведь их надо будет продать, — сказал Кирка грустным голосом.

Потом я сидел над листком бумаги, а Кирка диктовал мне названия и годы изданий. Тут не обошлось и без споров. То Кирка не хотел продавать какую-нибудь книгу, то — я. Но в конце концов мы пришли к соглашению и со списком отправились к Петру Борисовичу.

Старый букинист встретил нас приветливо.

— Здравствуйте, здравствуйте. Что-то давненько вы не появлялись, — улыбнулся он.

Кирка протянул список.

— Вот, посмотрите, пожалуйста, что из этого можно продать.

— Ну-с, давайте посмотрим, — Петр Борисович стал читать список. Мы молчали. Я все время следил за выражением лица старого букиниста. Он то щурился, то удивленно поднимал бровь, и я думал, что ему трудно разбирать мои каракули. Вот, наконец, Петр Борисович прочел весь список, положил его на свой стол и поднял глаза.

— Вы, похоже, свою библиотеку распродаете? — удивленно спросил он.

Врать было неохота, и я брякнул:

— Да, очень нужны деньги.

— Деньги... Да-с, — задумчиво пробормотал Петр Борисович, потом зорко глянул на нас. — А с книгами не жаль расставаться?

Я хотел сказать, что нет, но вдруг понял, что мне действительно жаль наших книг, таких знакомых и привычных на самодельных полках в чулане; книг, за чтением которых мы столько думали, огорчались, радовались, спорили... Я не ответил Петру Борисовичу и опустил голову. Промолчал и Кирка.

— А на что вам, позвольте полюбопытствовать, деньги? Неужто есть что-то привлекательнее книг? — спросил Петр Борисович.

— Мы мотоцикл хотим купить, только вот не хватает, — ответил Кирка.

— Что-что, мотоцикл?.. Да-да, понимаю. — Петр Борисович улыбнулся. — Будь я помоложе, наверное, тоже не устоял бы. Ну, что ж, приносите вот эти, — он быстро поставил карандашом «галочки» в списке. И мы побежали увязывать книги.

Через неделю, сразу после школы, мы помчались к Ивану Николаевичу. Кирка нажал кнопку звонка и прикусил нижнюю губу.

— А вдруг продал уже? — срывающимся шепотом спросил я.

Кирка только дернул плечом.

Мы напряженно прислушались к тишине за дверью квартиры, наконец расслышали шаги. Дверь распахнулась.

— А, пришли, — сказал Иван Николаевич и улыбнулся. — Я уж думал-гадал, куда это вы запропали. Ну, проходите, — он отступил, и мы вошли в переднюю.

— Маша, Машенька! — закричал Иван Николаевич в глубь коридора.

Вошла его жена, и мы поздоровались.

— Вот, пришли все-таки, — сказал ей Иван Николаевич.

— Мойте руки, будем обедать, — сказала своим высоким и чистым голосом жена.

Мне не терпелось заполучить мотоцикл, и вообще не хотелось есть, но отказаться я не решился, а Кирка сказал:

— Спасибо, мы уже обедали.

Иван Николаевич развел руками и посмотрел на жену. Она ничего не возразила и, повернувшись, пошла по коридору.

Иван Николаевич сказал нам шепотом:

— Вы не смущайтесь, она добрая. Просто Колю забыть не может. Как увидит мальчишек, так плачет.

Мы тихонько вышли из квартиры и спустились во двор. Иван Николаевич отомкнул сарай. И мы снова увидели вело-мото. Он все так же стоял на хромированной подставке, поблескивая голубым лаком щитков и бачка, и, задрав переднее колесо, казалось, приготовился к прыжку, — теперь это была наша машина!

Я отдал Ивану Николаевичу деньги.

— Ну, счастливо владеть, — сказал он, пожимая нам руки. — Летом подъедьте, покажитесь. И вот документы, не потеряйте.

Медленно двигались мы по Лиговке, через Невский, по улице Восстания. Я держался за

руль, а Кирка — за седло, и прохожие оглядывались. А наша машина блестела голубым лаком и сверкала хромированными частями. У меня не было варежек, а руль был холодный от мороза, но руки не мерзли. По нашей улице мы катили машину еще медленнее, и очень хотелось, чтобы кто-нибудь из ребят попался навстречу и увидел нас. Но никого не было. И только у дома двадцать девять наперерез нам метнулась долговязая фигура в потасканной черной шинели и странной бескозырке без ленточек.

— Эй, здорово, пацаны! — услышали мы писклявый знакомый голос.

Мы остановились. Секунду я смотрел на чье-то знакомое узкое лицо и не узнавал, а потом вдруг узнал и эти линиялы глаза, и узковатое тускло-бледное лицо. Это был Вовка Земсков. Бескозырка была маленькой и мелкой, едва прикрывала темя, и было видно, что Вовка острижен под ноль, кожа головы покраснела от холода, и сильно торчащие уши тоже были красные. Полгода не встречались мы с Вовкой; за это время он здорово вытянулся и вообще стал какой-то другой.

— Ты где пропадал? — спросил Кирка.

— Отсюда не видать, — важно ответил Земсков, достал из кармана шинели кривой окурочок папиросы и спички. Огонь у него угасал, и он испортил несколько спичек, прежде чем прикурил. Потом затянулся так, что на бледных щеках появились впадины, и сказал:

— А вы все шпаните?

— Чего? — не понял Кирка.

— Ничего, — криво усмехнулся Вовка, — попадете в колонию — узнаете.

— А мы туда не собираемся, — сказал я.

— Это как повезет. Где драндулет угнали? — спросил Вовка.

— Сам ты драндулет. Это вело-мото ДКВ, — ответил Кирка.

— И не угнали, а купили, — добавил я.

— Ничего себе, богачи, купили. Так я и поверил. Это в милиции заливать будете. Где вы столько грошей взяли? — сказал Вовка все с той же усмешечкой. А я разозлился за усмешечку и за недоверчивый тон.

— Ладно, пошли, — сказал я Кирке и двинул машину вперед. Земсков пошел рядом.

— Летом покатаемся, да?

— Кто покатается, а кто и посмотрит, — бросил я на ходу.

— Где-нибудь учишься? — спросил Кирка.

— Не, я уже ученый. У меня свои дела, — он выплюнул окурочек. — Ну, бывайте, — и, сунув руки в карманы шинели, пошел прочь. Мы даже не оглянулись, не до него было.

С трудом мы вкатили машину на второй этаж в Киркину квартиру и поставили в просторной передней. И здесь, под светом двадцатипятисвечевой лампочки, среди стен, оклеенных желтоватыми обоями, вело-мото выглядел большим тяжелым мотоциклом. Мы молча стояли в передней и смотрели, как в тепле за-

потевают лакированные голубые поверхности, и мне казалось, что все это неправда, что это только снится в обманном предутреннем сне.

С этого дня мы с Киркой все время испытывали тихое радостное возбуждение.

И в школе дела наши шли хорошо. Как ни странно, приличная учеба не требовала особенного напряжения. Домашние задания давались нам легко, и делали мы их быстро. Может быть, все это получалось потому, что нам не терпелось заняться своей машиной. А мы с Киркой договорились, что, как приходим из школы, сначала по-честному делаем уроки и только потом занимаемся вело-мото. Вообще мы здорово изменились, даже наши матери были довольны тем, что мы не болтаемся целыми днями по улице и не приносим из школы двоек и замечаний в дневнике. Они, конечно, сначала насторожились — и Мария Сергеевна, и моя мать, — но потом поверили, что с вело-мото все в порядке, что мы его нигде не свистнули. Правда, пришлось признаться, что мы давно копили деньги, заработанные пилкой дров, и даже дать адрес Ивана Николаевича. Моя мать ходила к нему, выясняла, правду ли мы говорим, — она не верила сначала, что нам продали мотоциклик так дешево. Ну, а потом уж наши матери были довольны, что мы попритихли. Мария Сергеевна даже не ворчала на то, что весь коридор пропах бензином и смазочным маслом, потому что мы без конца смазывали и чистили нашу машину. Все вечера мы проводили около нее или за книгами о мотоциклах. Мы уже знали каждый болтик, любую гаечку в нашем вело-мото. Мы начистили его так, что он сверкал, как хирургические инструменты. И чем больше мы возились и чистили, тем сильнее хотелось нам испытать его. Мы уже пробовали прокатиться по коридору только на педалях, не заводя двигателя. Это было здорово, хотя педали крутились туговато. И мы торопили время, чтобы быстрее пришла весна и можно было бы попробовать мотор. Нам казалось, что стоит только поднажать на педали, чуть разогнаться, отпустить сцепление, и мотор затарахтит задорным ритмичным таканьем и машина рванется вперед. Я даже похудел от нетерпения. А весна все не наступала, дни тянулись медленно и нудно, и уже не было никаких сил терпеть. Мы решили завести мотор прямо в квартире.

Мария Сергеевна ушла на дежурство в больницу, а мы перекатали вело-мото на кухню и открыли форточку. Потом из двух чурбаков и доски устроили подмости, чтобы заднее колесо машины не касалось пола.

— Ну, — сказал Кирка и шумно вздохнул, — садись!

— Лучше ты, — хриплым от волнения голосом ответил я и, наклонившись, открыл бензиновый краник, несколько раз надавил на кнопку карбюратора.

— Держи за седло и руль сразу, мало ли, сорвется, — Кирка сел в седло и выжал рукоятку сцепления. Я ухватился за шейку руля и задний щиток.

— Давай.

Кирка нажал на педали, и заднее колесо сделало первый медленный оборот, потом завертелось быстрее.

— Еще! — крикнул я, хотя в кухне было тихо, только слышался легкий шорох цепи по звездочке, шелест воздуха в спицах колеса. Машину потряхивало, и я держал изо всех сил, а Кирка все крутил и крутил, пока не стало видно проблесков спиц.

— Отпускай! — снова закричал я и тут же увидел, как он плавно разжал пальцы на рукоятке сцепления.

Мотор зачихал, потом что-то в нем булькнуло и стихло, а колесо остановилось, сделав ленивый полуоборот.

— Эх, ты, — я отпустил шейку руля.

— На, попробуй сам, знаешь, как тяжело, — Кирка был красный и часто дышал.

— Слезай!

Он нехотя слез с седла.

— Держи-ка. Сейчас увидишь, что заведется, — сказал я. Была такая уверенность, что у меня-то мотор заведется, должен завестись.

— Погоди, передохну, — Кирка прошелся по кухне.

— Надо было помочь мотору педалями, — сказал я.

— Вот садись и крути, — он взялся за руль. Я быстро сел в седло, взялся за резиновые рукоятки.

— Ну, держишь?

— Давай.

Я нажал на педали и чуть пригнулся к рулю. Машина задрожала, телом я почувствовал эту дрожь и закрутил еще быстрее.

Сейчас! Сейчас! — торжествуя подумал я, и, отпустив сцепление, стал помогать мотору педалями.

Мотор сначала звонко чихнул, потом раздалось «тук-тук».

— Газуй! — крикнул Кирка, и я крутанул рукоятку газа, но послышалось чавканье, а потом какой-то жалобный всхлип. Крутить педали стало очень трудно, и я перестал. Когда я слез с вело-мото, ноги были ватными.

Весь вечер мы сменяли друг друга в седле, но мотор так и не завелся. Только вся кухня провоняла бензином, потому что он стал вытекать из карбюратора.

Я вернулся домой поздно, и когда разделся и лег, то мне все казалось, что ноющие от усталости ноги крутят и крутят тугие неподатливые педали.

Мы еще несколько раз пытались завести мотор, но бесполезно, и немножко загрустили от этого, хотя и надеялись, что рано или поздно двигатель должен заработать, потому что, судя по книгам, которые мы прочли, все детали

у него были на месте. Конечно, тогда мы ничего не понимали в моторах, ни в мотоциклетных, ни в автомобильных, — даже не знали, как проверить, есть ли на электродах свечи зажигания искры, но было у нас какое-то чувство, что наш вело-мото в полном порядке и должен работать исправно. Нам очень хотелось этого. Но ничего не получалось, в цилиндре беспомощно всхлипывало, карбюратор становился влажным от перелившегося бензина, а двигатель не хотел заводиться. Только потом я понял, что техника не любит неумелых полужнаек, она подчиняется лишь сведущим. Но в то время мы с Киркой меньше всего понимали глубину своего невежества. Казалось, что мы все знаем и умеем. И когда двигатель нашего вело-мото упорно не хотел заводиться, мы загрустили. А тут, как на зло, чуть ли не каждый день на улице попадался Вовка Земсков и со своей кривой усмешечкой спрашивал ехидно:

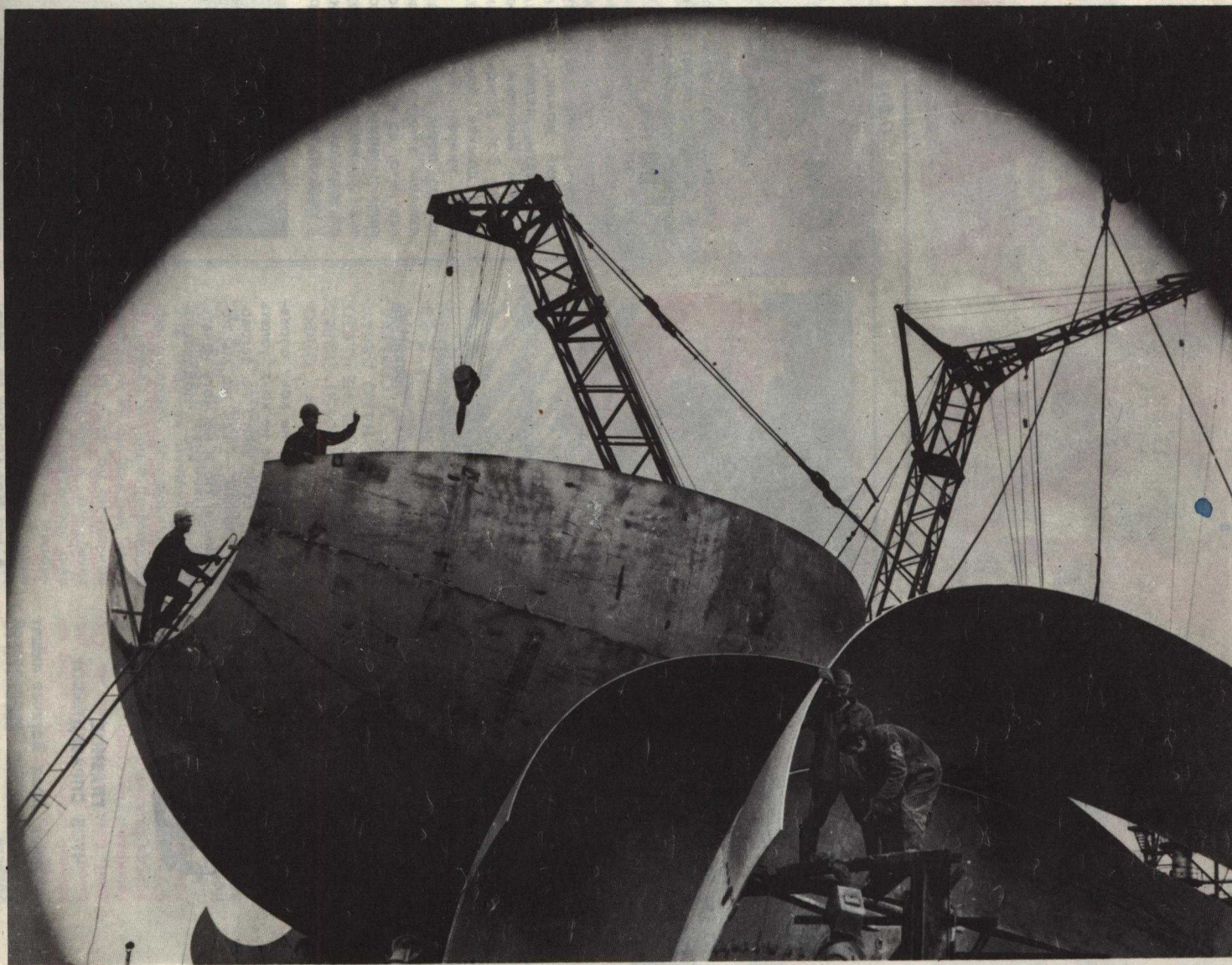
— Эй, делаши, когда драндулет на помойку выбрасывать будете?

Вовка уже не носил свою худую шинель. У него появилось полупальто с косыми карманами и меховым воротником, пушистый треух, который он лихо надвигал на вечно прищуренные глаза; обут он был в высокие сапоги с голенищами, старательно собранными в гармошку. И курил Земсков уже не окурки, а настоящий «Беломор», а иногда и «Казбек». И говорил он с нами слегка презрительно, не разжимая зубов. Честно говоря, мы немного робели перед ним, потому что это был уже не прежний Вовка. Теперь мы чувствовали разницу в возрасте. И поэтому насмешки его казались особенно обидными. И в то же время я ловил себя на том, что хочу быть похожим на него: носить лихо сдвинутую на глаза пушистую шапку и сапоги гармошкой, небрежно сквозь зубы сыпать блатной скороговорочкой, жевать в углу рта длинную папиросу, с независимым видом оглядывать прохожих и стоять, небрежно оперевшись на дверь парадного, засунув руки в косые карманы полупальто и остро растопырив локти. И чувство обиды мешалось во мне с самолюбивым желанием унижить Земскова.

«Погоди, — думал я, — вот заведем машину и будем кататься, тогда первый побежишь за нами».

А машина не хотела заводиться. И все стало не в радость: и начинающаяся дружная весна, и даже хорошие отметки в школе. А вдобавок от знакомого курсанта мы с Киркой узнали, что летная спецшкола существует последний год, ее расформировывают, потому что теперь есть суворовские и нахимовские училища, — и мы совсем пали духом. Хмурые, молчаливые ходили мы в школу, а после занятий уныло шатались по окрестным улицам. И тут нам помог случай.

Окончание следует

ФОТОГРАФИЯ РАССКАЗЫВАЕТ

О сжиженном газе азоте,
О том, как выполняется
пятилетний план,
О дружбе народов

На этом снимке — не космодром и не строительство здания для сверхмощного телескопа. В этих огромных емкостях будет храниться прозрачная, как вода, жидкость — сжиженный газ азот. Без него на Калушском химико-металлургическом комбинате не смогут выработать пластические массы, а из них не сделают изоляцию на электрический провод, или плащ, или скатерть. Но комбинату нужен не только азот, но и этилен, — этот газ пойдет по трехсоткилометровому трубопроводу из венгерского города Ленинвароша.

Оборудование для комбината на Украине присылают не только заводы нашей страны, но и Германская Демократическая Республика.

К концу пятилетки мы будем производить вдвое больше пластических масс, чем прежде.

АРТЕКУ-50

ДНИ НАШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СМЕНИ БЫЛИ СОЛНЕЧНЫМИ И ЯРКИМИ, ОНИ НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ КАЖДОГО ИЗ НАС. ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ДРУЖБА!

Из Обращения участников международной смены к детям Земли

ГОВОРЯТ ГОСТИ АРТЕКА

Притис Бенерджи. Индия.

Советские ребята веселые, находчивые, дружные и любознательные. Все хотели, чтоб я научил их гимнастике йогов. Я научил многих тому, что умею сам. Еще научил петь свои любимые песни.

Суниль Аратти. Шри Ланка.

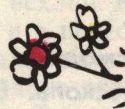
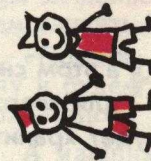
В Артеке — как дома. Цветы, кипарисы, море! На всю жизнь запомню чудесное путешествие на лодке по Черному морю и лица советских пионеров, хозяев Артека.

Сейбу. Республика Мали.

У наших пионеров много общего с советскими. Мы тоже носим алый галстук.

Марин Гладис в Артеке

Я был делегатом VI Всесоюзного слета в Артеке. Это большое счастье. Наша делегация поселилась в «Морской» дружинке, у самого берега моря. Мне навсегда запомнился день, когда мы встречали в Симферопольском аэропорту Генерального секретаря коммунистической молодежи Чили Марин Гладис. Мы принесли букеты цветов, написали яркие плакаты. И вот долгожданный миг — Марин Гладис выходит из самолета. Наш отряд спел для нее чилийскую революционную песню «Вен-

серемос» — «Победим!» Эту фотографию я сделал у трапа самолета.

Петя Шафранский, Павел Лодар

БАРАБАТ

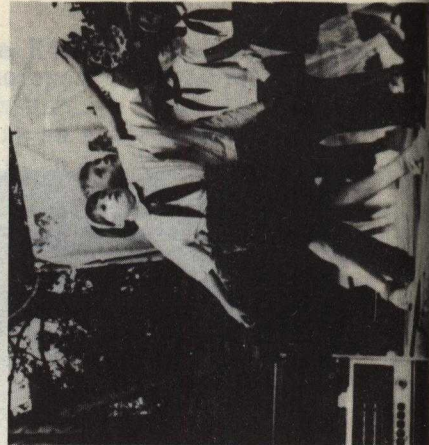
ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ «КОСТРА»

Оформление Л. Каминского

Отряд "Чайка" действует

Командир отряда «Чайка» юнкор Желя Сеницына пишет из села Чернышево Калужской области:

«В 1971 году у нас на улице образовался отряд. Мы назвали его «Чайка». Для наших дорогих родителей мы ставим концерты, а они помогли нам построить сцену для выступлений и пионерский домик, где мы выпускаем стенгазеты, ведем отрядный дневник, делаем выставки рисунков, проводим сборы. Если дождь на улице, мы садимся в домике вокруг стола и читаем вслух книжки. Вечером собираемся у костра, поем пионерские песни, разгадываем загадки. Наш отряд работает все лето, да и вообще всегда у нас весело и интересно. На соседних улицах села по нашему примеру ребята создали отряды «Спутник» и «Чебурашка». У них тоже есть пионерские домики».

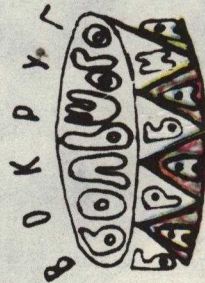
Света Симоненкова, Ленинград

КОНИ

встречаемся. Я не хочу оправдываться, а она не хочет узнать правду. Если никто не заговорит первым — как же мы помиримся? Но я не могу начать, получиться, что подлизываюсь...»

Света! Если подруга тебе дорога, надо преодолеть гордость. Первый шаг к примирению обычно делает сильный и добрый человек, снисходительный к недостаткам своих друзей.

А вот Ира Гришук из Белозерска Брестской области рассказала нам совсем иную историю.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБ СПРАВЕДЛИВО!

Юнкор Коля Богачев пишет из пионерлагеря Свердловской области:

«Собрались ребята вечером у костра, стали правду гово-

Мирек Швабл. ЧССР.

Если бы вы знали, как завидовал мой младший брат, что я еду в Артек! Пришлось писать ему письма почти что каждый день. Писать было о чем. Впечатления незабываемы!

Антонио Туту. Ангола.

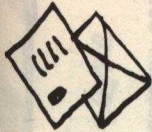
В Уставе пионеров Анголы есть такие слова: «Готов пожертвовать всем на благо народа!» и «Пионер не желает иметь ничего, что не могут иметь другие!» Все ребята в Артеке сказали, что это правильные слова.

Бари Пайсано. США.

Всю жизнь буду считать себя сыном племени, имя которому Артек.

Юсуф али Бакир. Сомалийская демократическая Республика.

В Артеке все друг за друга. Здесь понимаешь, что такое дружба на всю жизнь. Пионерская организация нашей страны называется «Дети Октябрьской революции». И это не случайно.

рить друг о друге, резали сме-ло, много было и смеху. После этого разговора перессори-лись, перестали здороваться. Почему?»

Да потому, Коля, что откоро-венный разговор не терпит лю-бых смеек. Зачем обижать лю-дей? Таня Тимофеева из Ос-ташкова, наверно, тоже не всегда бывает права. Иначе не случилось бы того, о чем она нам пишет:

«У меня есть подружка. Когда я говорю ей правду, она обижается и сразу перестает со мной дружить. А когда я за ней после этого не захожу по дороге в школу — она опять обижается!»

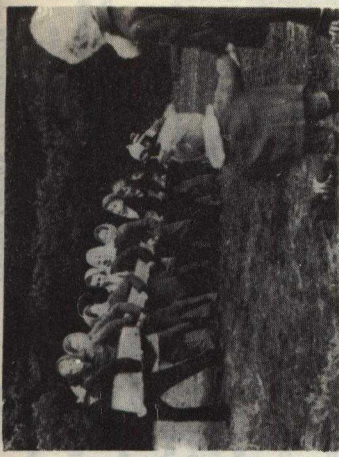
Вот так и получают «веч-ные» ссоры. Света Кириллова из Череповца тоже не знает, как из такой ссоры выбраться:

«Я поссорилась с подружкой, потому что она поверила раз-ным наговорам на меня. Мы живем в одном доме, но не

«Девчонки нашего двора со-брались как-то вместе. «Давай-те поговорим о наших харак-терах, обсудим, у кого какие недостатки, какие хорошие черты», — сказала Таня. Пер-вую обсуждали меня. Все ска-зали, что я люблю спорить, причём не по делу (я и сама знаю, что так, но не могу себя побороть!), а потом начали го-ворить про мои хорошие чер-ты. Обсуждали каждого, дол-го и справедливо. В конце Ла-риса сказала: «Мне даже на душе стало легче, когда вы сказали мои недостатки».

ПОЛЕЗНО ВЕСТИ ОТКРО-ВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ! ПОЛЕЗ-НО, НО, КОНЕЧНО, НЕ ЧАСТО. И ГЛАВНОЕ — НАДО ДЕЛАТЬ ЭТО ТАКТИЧНО И СПРАВЕД-ЛИВО. И НЕ ЦЕЛЫМ ОТЯ-ДОМ. ЛУЧШЕ ЗВЕНОМ, В УЗ-КОМ ТОВАРИЩЕСКОМ КРУГУ. ИЛИ — С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ.

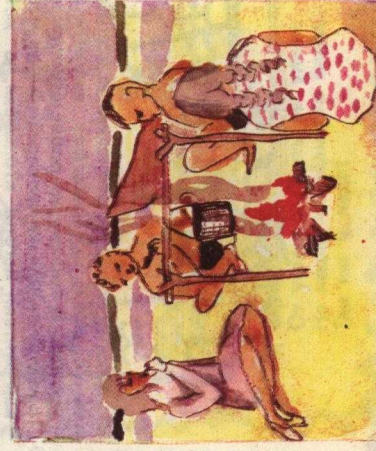
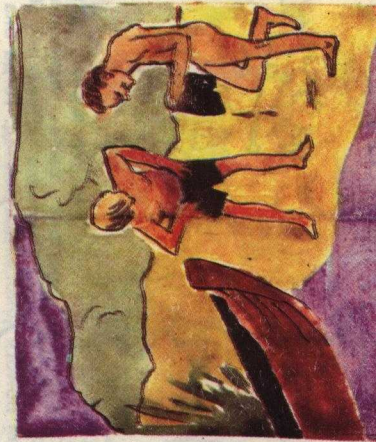
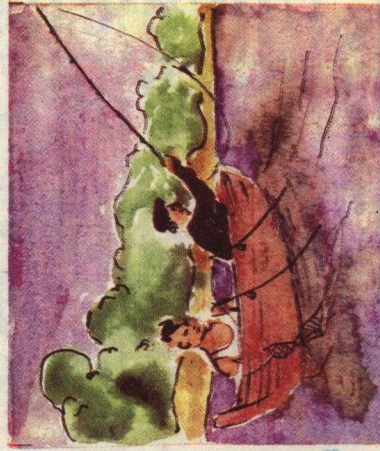
Танец „Фигуристы“ исполняют Таня Дукова и Петя Леонов.

Доски для сцены мы собираем на берегу реки. Каждую весну их прино-сит половодьем. Командует десантом Миша Леонов.

Эти фотоснимки сделал для БАРАБАНА папа Жени Синицыной.

Историю в картинках „ЛЕТНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ“ нарисовал Андрюша Колпнышев из Чебоксар

ПЛА СИТЕЛНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

Дорогой БАРАБАН! Пишут тебе пионеры второго отряда лагеря «Березки». В нашем отряде одни девочки. Сначала мы думали, это хорошо, а потом оказалось, что без мальчишек скучно. Зато в шестом отряде одни мальчишки. Вожатые и воспитатели думают, что так лучше, но мы думаем совсем по-другому. Лучше, когда все вместе. Ответь, БАРАБАН, кто прав!

Свердловская область

Дорогие друзья! БАРАБАН, конечно, на вашей стороне. Гораздо лучше всем вместе — и девочкам, и мальчишкам, и взрослым — придумывать в лагере интересную летнюю жизнь.

из сундука
старого
фотографа

Эта уникальная фотография была напечатана в журнале «Пионер» 50 лет тому назад. Тогда она казалась обычной. После гражданской войны многие ребята стали беспризорниками. У кого родители погибли на фронтах, у кого от голода, иные семьи размещали военным урядом по всей земле русской. Молодое советское государство решило: надо вернуть ребят к нормальной жизни! Помогали взрослым пионеры

ры — налаживали контакты с беспризорниками, пригласили их к себе в школы, на сборы...

Андрюша Кубарко из Брестской области мечтает о собаке. Наверно поэтому барабашка у него на эту тему:

«Юра учит свою собаку считать. Так как дрессировку надо начинать с маленьких цифр, Юра показывает собаке свой дневник...»

Таня Архипова из Калининской области совершила важное открытие: придумала, как сделать, чтоб мальчишки девочек не били. Вот что она пишет:

«Когда мы приходим из школы, то собираемся в беседке и девочки по очереди рассказывают всякие

истории. Теперь мальчишки нас не бьют, уши развешивают и слушают. Но зато я теперь учусь неважно — не когда...»

А наш юнкор из Рязани Юра Поспелов поспевает не только учиться хорошо, но еще и записывать на уроках разные барабашки. Вот одна из них:

«Один ученик так проспрагал глагол «печь»: я — печь, ты — печь, он — печь, мы — печки, вы — печки...»

Гера Потемкина живет в Калининне. Вот что у них в школе бывает:

«На уроке труда нас учительница учит готовить. Приходим в класс, а мальчишки спрашивают: «Ну, что делай?» Мы говорим: «Ели». Мальчишки говорят: «Вот счастливые. А мы гвозди заколачивали».

— Палочкин, у тебя воля сильная?

— Сильная.

— Возьми шоколадку, а завтра вернешь ее... — Давай, только от шоколада воля у меня слабеет.

— Палочкин, какой твой самый любимый предмет? — Телевизор.

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРЬ

Многие пионеры отправились в колхозы и совхозы, помогают выращивать урожай. Большинство ребят относится к летнему труду по-пионерски — вот так, как жители лагеря «Тополек», о котором рассказывает Вера Линь.

Наш поколёк

Утро у нас в трудовом лагере начинается с зарядки. Потом убираем кроватки и идем в столовую. После завтрака на машине едем на работу. Мы, ученики шестых классов, ухаживаем за яблонями и работаем на прополке винограда. Если кто думает, что это легко — ошибается. У нас есть свои ударники. Это Наташа Филимонова, Люда Легкова, Таня Путилина и Маша Павлова.

Особенно хорошо в лагере вечером. Все заняты играми, песнями. Хорошо стоять на мостике через канал и смотреть, как отражаются в воде луна и деревья. А утром слушать пение птиц. Никогда не забуду первый год в трудовом лагере.

НИКАК ОБЕД? (фельетон)

Усталая тропца едва доплелась до клеванной копны и бессильно опустилась на нее.

— Как здесь все примитивно, — вздохнул один.

— И никаких доходов, — сказал другой, — сплошные благодарности...

— Кто трудится — горб наживает, — заметил третий, лгузая семечки. Они сидели и вздыхали, а подалась девчата сноровисто орудовали вилами. Вдалеке ударили в релсы.

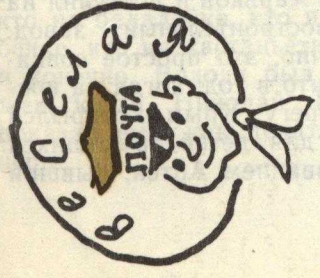
— Никак обед? — прислушался первый.

— Точно! — воскликнули хором его приятели.

Они оторвались от копны и пошли на запах кухни. Пора и за работу.

Редколлегии стенокеты
трудоого лагера
«Новотопы-74», Торжок

Помогите Мирсаиду!

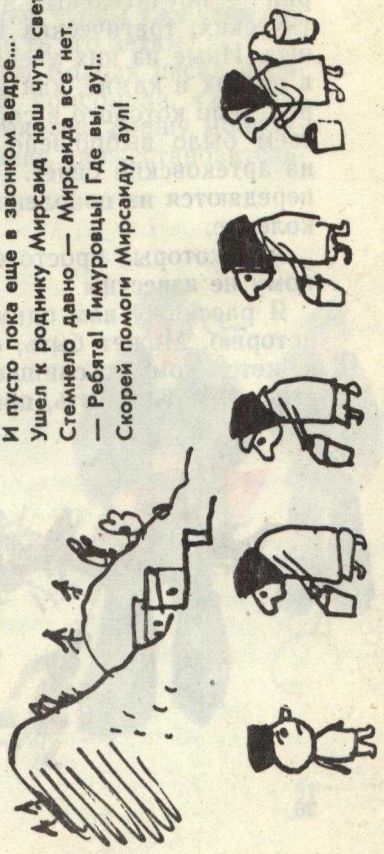
Уважаемый Почтарик... Наш аул большой, много стариков и старушек. Однажды я шел по главной улице, встретил старушку с ведром. Она шла за водой. Мне стало ее жалко. Я взял у нее ведро и пошел за водой. По дороге я увидел другую старушку, которая тоже шла за водой. Я взял ведро и у нее. А если бы я встретил третью.. Я хотел поставить тимуровскую команду, но мне никто не помог. Я попросил пионервожатого, но и он не помог. Я старался сам, но у меня ничего не вышло.

Абдулкадыров Мирсаид,
Дагестан, аул Ассад

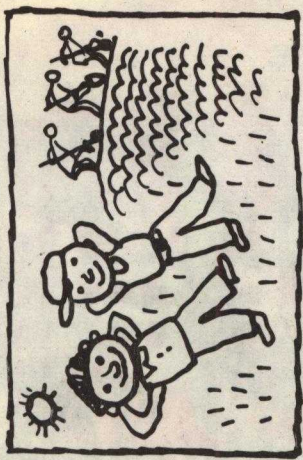
Дорогой Мирсаид! Один кавказский поэт сказал: слово — стрела, но слово в стихе — это стрела, пущенная из лука. Надеюсь, мой стишок падет в цель, и у вас в ауле родится наконец тимуровская команда...

Старушку с ведром повстречал Мирсаид,
Старушка ему — «Помоги!» — говорит.
Добрый Мирсаид зашел к роднику,
Поднес по дороге ведро старуке.
Вторая старушка стоит под горой,
Ведро перед нею с холодной водой.
А третья с надеждою ждет на горе
И пусто пока еще в звонком ведре...
Ушел к роднику Мирсаид наш чуть свет,
Стемнело давно — Мирсаид все нет.
— Ребята! Тимуровцы! Где вы, ах!..
Скорей помогите Мирсаиду, ах!

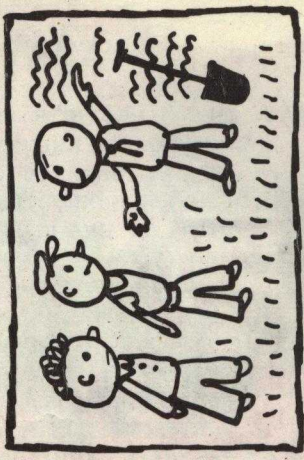

Как летать прочими

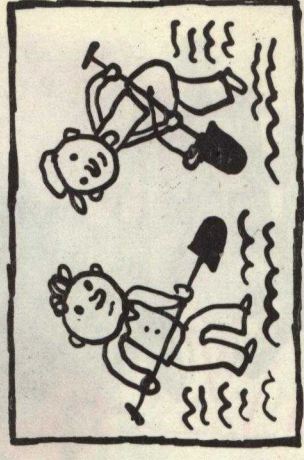
История в картинках, нарисованная
Валерием Капрановым из г. Пикалево
Ленинградской области

1. Пионеры колхозу помогают,
А Фома и Ерема отдыхают.

2. Придумал Егор Громодеев,
Как проучить лентяев.
Говорит: нашел старинную монету —
Вот эту!..

3. Фома и Ерема все поле вскопали,
От усталости чуть не упали.
Не нашли обещанного клада...
Так им и надо!

Владимир Арро

НЕ ИЗ ПЕНЫ МОРСКОЙ

За пятьдесят лет в Артеке накопилось немало разных историй — поучительных и романтических, трагических и смешных. Иные из них увековечены в песнях и камне, как тот матрос, тело которого в сорок третьем было выброшено волной на артековский берег. Истории передаются из поколения в поколение.

А некоторые просто еще никому не известны.

Я расскажу вам одну такую историю. Может быть, она покажется кому-то слишком простой. А может быть, приоткро-

ет что-то важное в жизни Артека. Собственно, это даже не история, а несколько эпизодов из хроники одной семьи.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

В 1920 году красноармеец-артиллерист Тихон Ильич Свистов тащил свою пушку через топкий холодный Сиваш. Красная Армия освобождала Крым от белых. Тихон был заряжающим. В одном из боев Тихона ранило — в шею и в ноги, — и его списали из армии. Через много-много лет его нашла на-

града—медаль «За боевые заслуги». А тогда Тихон Ильич уехал в Харьков и поступил на паровозостроительный завод.

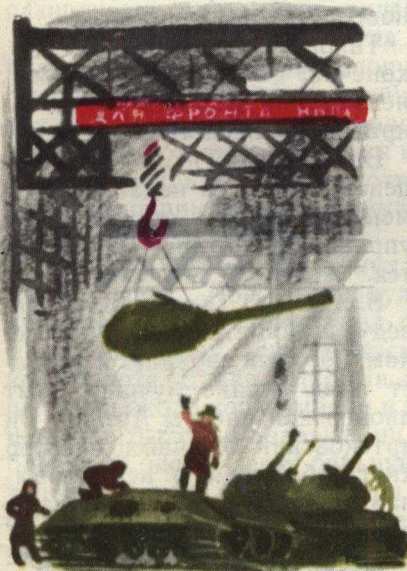
Конечно, это простое совпадение, что в год, когда на южном берегу Крыма открылся лагерь для детей трудящихся под названием Артек, бывший

красноармеец, а ныне рабочий вступил в партию большевиков.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

В 1936 году сын рабочего Тихона Свистова Володя учился в седьмом классе. Он выпускал стенную газету, сам, без чьей-либо помощи научился делать модели аэропланов и в конце концов организовал в школе авиамодельный кружок. Одним словом, когда школа

получила путевку в Артек, все дружно сказали: «Свистову!»

Так Володя стал артековцем. Вожатым у него в отряде был Николай Кротов, веселый комсомолец, выдумщик, энтузиаст. Чего только он не придумывал! Даже в оркестре у него играл весь отряд, — кто на гармошке, кто на балалайке, кто на гребенке, кто на кастаньетах. Ну, и конечно, Володя был поражен, когда Николай Кротов показал ему, как делать планеры.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Вернувшись в школу, Володя Свистов вступил в комсомол. По-прежнему отлично учился, выполнял много поручений и вспоминал все время об Артеке. И о планерах.

Он собрал ребят в каком-то подвале. Достали материалов и стали строить планер. Настоящий, чтобы летать! И построили. И полетели бы на нем... если бы о самостоятельных планеристах не прослышал аэроклуб. Конечно, летать им запретили. Но зато зачислили всех в планерную школу при Дворце пионеров. И стали они строить настоящие летательные аппараты. А Володю как заводилу снова послали в Артек. Это было неслыханное счастье!

Вожатым на этот раз был Виктор Хмара, московский студент. Ребята любили спускаться вечером к морю и под шум волн слушать своего вожатого. А он рассказывал обо всем: о гражданской войне в Испании, о германском фашизме, о перелетах Чкалова, о боях с японскими интервентами на озере Хасан.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Володя Свистов закончил школу и, конечно, бегом побежал в авиационное училище. Все было хорошо, пока он не дошел до медицинской комиссии. От врачей вышел мрачный, убитый горем. Ни повторные ходатайства аэроклуба, ни просьба комсомола — ничто не помогло. «Вообще-то он здоров, но для авиации не годится», — говорили неумолимые врачи.

Володя поступил токарем на завод.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

В самом начале Великой Отечественной войны завод, на котором работали Тихон Ильич и Володя Свистовы, демонтировали и перевезли на Урал. Завод стал выпускать танки — «тридцатьчетверки».

Токарь Владимир Свистов, как и многие другие рабочие во

время войны, стал «тысячником», то есть выполнял план на тысячу процентов. Его наградили значком «Отличник социалистического соревнования». На заводе, как и в школе, Владимир был активным комсомольцем, а в то немногое свободное время, которое ему выпадало... строил планеры.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Летом сорок четвертого года Володя Свистов развернул «Комсомольскую правду» и прочитал: «Артек освобожден!» А дальше сообщалось, что ЦК комсомола направил группу вожатых и рабочих восстанавливать Артек, чтобы уже этим летом вернуть его детям.

Вечером Володя писал письмо в ЦК комсомола. «Я, бывший артековец, прошу мобилизовать меня на восстановитель-

ные работы. Умею плотничать, столярничать, слесарничать, токарничать...» Дальше шло перечисление других его умений, а в конце стояло: «... и строить планеры».

Когда в ЦК ВЛКСМ разбранили это письмо, там присутствовал Николай Кротов. «Володька Свистов! — воскликнул он. — Так это же фанатик авиа-моделизма!» Из Москвы на Урал полетела телеграмма. Но война еще шла, фронту нужны были танки, а танковому заводу — токари, такие опытные, как Владимир Свистов. В 1945 году, в год нашей победы над фашистской Германией, Владимир Свистов отправился в Артек.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Тихона Ильича еще в сорок третьем откомандировали в Харьков восстанавливать завод. Однако по болезни ему пришлось переменить место жительства. Так он оказался в Артеке. Он стал завхозом того лагеря, в котором когда-то отдыхал его сын. Быть завхозом в те годы означало, во-первых, все уметь. Он все и умел. Он был плотником, столяром, жестянщиком, токарем, электриком, лудильщиком и паяльщиком. Не было электропровода, — он брал колючую проволоку, которой был увит весь берег, и натягивал ее на изоляторы. Не хватало кровельного железа, — он заделывал пробойны в крыше парусиной. Подбирал в парке и склеивал куски разбитых скульптур.

Этим же занимался и его сын Владимир, восстанавливавший вместе с другими станцию юных техников.

Там, где он когда-то учился делать гордую птицу — планер, фашисты держали коз и овец. Теперь там не было ни оконных рам, ни дверей, ни полов, ни крыши. Почти все делали заново, своими руками. Восстанавливали водопровод, делали тумбочки, столы, табуретки. Торопились — ведь ждали детей.

А тем временем два моряка-минера, постоянно находившиеся в лагере, вели разминирование. С пляжей уволакивали разбитые пушки.

И вот 1 августа 1945 года в Артеке снова раздались голоса детей. Свистовы стояли и слушали. Послушали, а потом снова пошли работать. Нужно было строить пляжные тенты, таскать сухие сосны на топливо со склонов Аю-Дага.

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

Старшая дочь Тихона Ильича, Валентина, во время войны была зенитчицей, защищала московское небо. После войны стала жить возле отца, в Артеке. Она стала эвакуатором Верхнего (ныне Горного) лагеря. Слово «эвакуатор» стало уже к тому времени мирным. Просто она принимала детей, приезжавших в Артек, а потом их отправляла. Дети в те годы приезжали особенные. Это были воспитанники детских домов, сироты, сыновья полков, юные партизаны, дети, узнавшие ужасы фашистских концлагерей. Каждому нужно было доброе слово, и ласка, и улыбка.

Валентине Тихоновне, глядя на этих детей, было не до улыбки. Но она себя пересиливала.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

В 1949 году бывший артековец, бывший токарь, бывший инструктор по авиамоделизму

был назначен старшим пионервожатым Верхнего лагеря. А начальником — его бывший вожатый Николай Кротов.

Владимир Свистов воевал со своими пионерами партизанскими тропами Крыма. Они ночевали в горах, встречались у костров с участниками партизанского движения.

Позже, когда Владимир был уже начальником Морского лагеря, в Артек приехал Джавахарлал Неру. Его сопровождало много журналистов. И среди них Владимир узнал другого своего вожатого — Виктора Хмару. Виктор к тому времени стал известным журналистом-международником, объездил сорок две страны.

Вот и вспомнили они беседы на берегу моря, при шуме волн.

А теперь проведем боевую поверку семьи Свистовых.

Тихон Ильич (ему 83 года), конечно, на пенсии. Пока мог, непременно ходил в Артек на праздники и слеты.

Валентина Тихоновна тоже пенсионерка, до недавнего времени работала в строительном управлении, которое строит Артек.

Владимир Тихонович — заведующий методическим отделом, который собирает и раздает всей стране лучший опыт пионерской работы Артека. Он артековский летописец и автор книги об Артеке. У него огромная переписка с пионерами разных поколений.

Раиса Петровна, его жена — заместитель главного бухгалтера Артека.

Вот и все.

А рассказал я вам эту историю потому, что Артек ведь не из пены морской родился. Тысячи людей отдавали ему свою душу, силы, знания. По их жизни можно проследить всю биографию лагеря.

В свой полувековой юбилей, бывшие и нынешние артековцы, не забудьте своих ветеранов, отдайте им пионерский салют.

Рисунки
В. Топкова

ЛАСТОЧКА УХОДИТ НА ФРОНТ

Во время войны около нашего села часто останавливались на отдых или формирование воинские части. Командиры и красноармейцы зимой вставляли на постой по дворам, а летом жили в лесу, где у них были вырыты землянки, дымились походные кухни на высоких колесах, тянулись по соснам провода полевых телефонов, а на полигоне учились стрелять молодые бойцы.

Однажды, когда стоявшая в лесу воинская часть снялась, я пошел на покинутый полигон. Там я набрал много стреляных гильз, наковырял в песке за мишенями целый карман расплюснутых пуль и направился лесом домой.

И тут я увидел лошадь. Она неподвижно стояла в кустах, понурив голову. Лошадь была гнедой масти, с белой проточиной на лбу, высокая и очень худая, с выпиравшими ребрами и мослаками. Множество мух, к которым она, по-видимому, привыкла и не отгоняла их, липло к ее слезившимся глазам, жужжало и кружилось около ног.

Я подошел к ней, протянул руку, чтобы погладить щеку. Лошадь дернула головой и отпрыгнула, тяжело переступив обеими передними ногами сразу, точно вытаскивая их из топкого болота. Бабки ног были отекавшими, а под щетками около копыт мокли и гноились. На лошади не было ни уздечки, ни недоуздка. Кто бросил ее здесь в лесу больную? Вероятно, беженцы, потому что пехотная часть, которая стояла в лесу, насколько мне было известно, лошадей не держала.

Я дал ей кусочек хлеба, который прихватил с собой в лес. Лошадь обнюхала протянутую руку и, щекоча мне ладонь мягкими губами, подобрала хлеб. Я отломил еще кусочек. Лошадь потянулась за ладонью и с трудом переступила мне вслед.

И тогда я решил взять лошадь домой. Из брючного ремешка я сделал подобие недоуздка, обуздal ее и повел. Каждый шаг причинял лошади боль, она упиралась и отказывалась идти, словно бы упрашивая оставить ее в покое. Я уговаривал, заманивал хлебом и подгонял прутиком. Через каждые пятнадцать—двадцать шагов мы останавливались передохнуть, я, как мог, ободрял ее, поглаживая ей щеку и пыльную шею с рубцами старой, заросшей шерстью выжженной метки-тавра.

До села идти было недалеко, но мы пришли домой, когда день уже клонился к вечеру. Уви-

дев во дворе лошадь, мать удивилась и огорчилась: до лошади ли было тогда!

Но лошадь все-таки оставили, чтобы решить ее судьбу наутро. Я разобрал в пустовавшем курятнике насест и задним ходом, как автомобиль, с трудом задвинул в тесный сарайчик нашу лошадь.

На следующий день к нам пришел совхозный ветеринарный фельдшер Евстигней Васильевич. Лошадь встретила фельдшера настороженно, пятилась и прикладывала уши, когда тот особенно бесцеремонно поднимал за щетку ее ноги и рассматривал через очки больные места.

— Спета ее песенка, — сказал, причмокнув, Евстигней Васильевич. — Болезнь эта страшная и очень заразная, на совхозную конюшню ставить кобылу ни в коем случае нельзя. Да и кому такой одёр сейчас нужен? — добавил он, вытирая ладони сеном. — Теперь и для справной скотины рук не хватает... В общем, одна ей дорога — под обух, чтобы не мучилась.

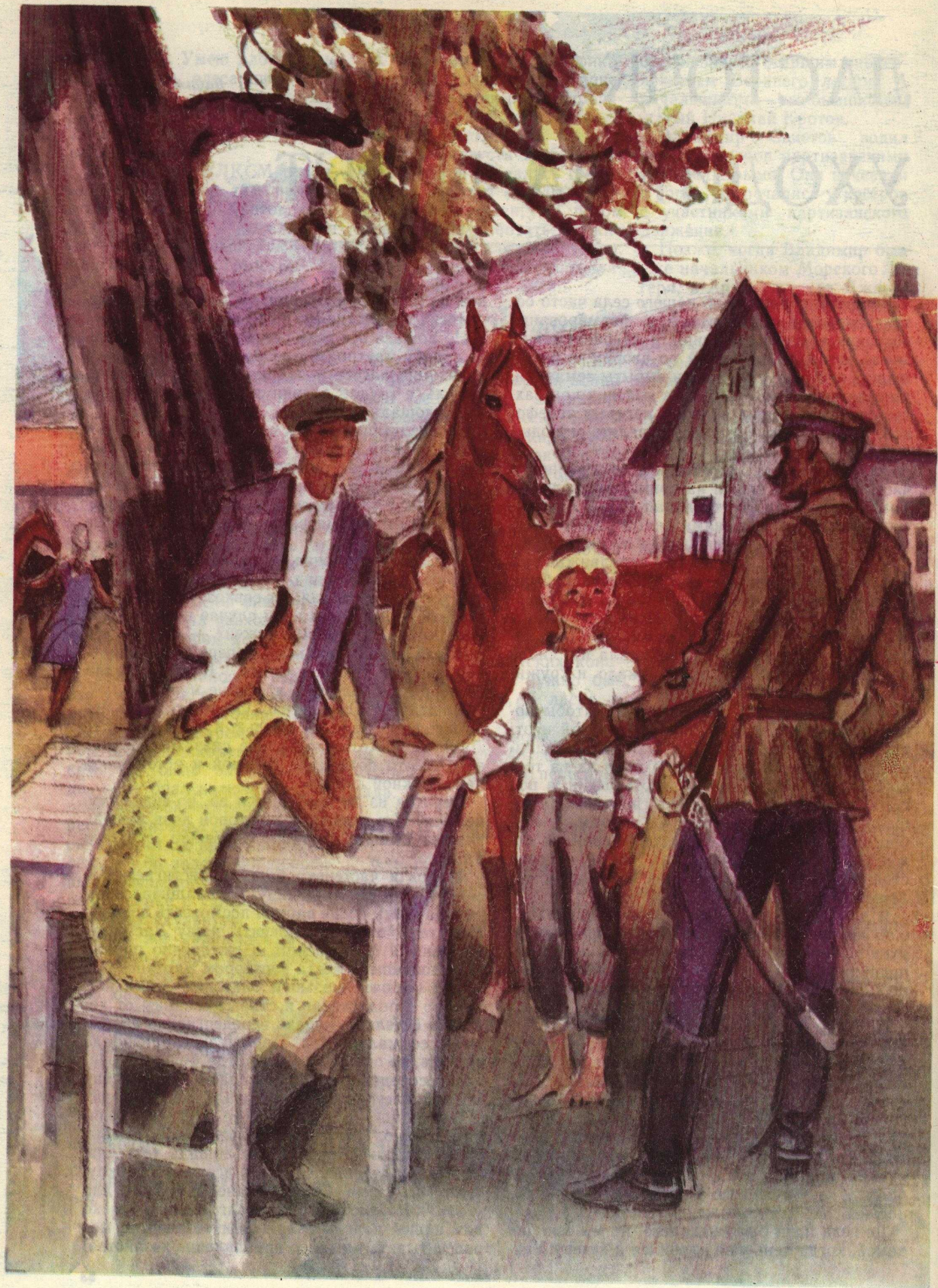
Лошадь осталась у нас. Старое тавро у нее на шее смахивало на крылья, и мы называли ее Ласточкой. Хотя, по правде сказать, это имя не очень-то подходило больной и истощенной неподвижной лошади.

Переход из леса обошелся ей, по-видимому, нелегко. И в первый, и во второй день лошадь тяжело дышала и порой протяжно, страшно стонала.

Теперь я частенько бегал к Евстигнею Васильевичу в его лечебницу. Я упрашивал ветеринара зайти после работы посмотреть лошадь. Мне так хотелось вылечить нашу Ласточку! Наученный фельдшером, я ежедневно промывал гноившиеся места раствором марганцовки, мазал вонючей мазью и бинтовал бабки ног. Заодно я подлечивал и старые ссадины от хомута и седелки. Лошадь передергивала кожей, точно ее жалил овод. Промывание причиняло ей боль, но она терпела, а когда боль становилась особенно резкой, тыкалась мне в спину мордой и легонько прихватывала губами плечо.

Время шло, а состояние ее почти не менялось. Видно, действительно очень запущена была ее болезнь. Хорошо, что лошадь хоть ела, аппетит ее улучшался, и это вселяло надежду.

Пришла зима. Стало труднее с кормом для Ласточки. Сено у нас было заготовлено только для нашей коровы Марты, никто ведь не мог рассчитывать на такое прибавление хозяйства!

Я шел на лыжах в поля, находил остожья брошенных ометов, дергал из-под снега остатки сена или соломы и вязанками привозил домой. За обедом я припрятывал кусочки хлеба, чтобы скормить их потом Ласточке. Мама, которая поначалу неодобрительно относилась к моим хлопотам, теперь нет-нет да тоже припасала для нее что-нибудь вкусное. Она сходила в контору совхоза и получила разрешение собрать в пустых закромах склада оставшийся овес. Над разостланной в кухне простыней мы отвеяли овес от мусора и потом кормили им Ласточку.

Как-то снова зашел Евстигней Васильевич, давно у нас не бывавший, осмотрел Ласточку и сказал, что в болезни наступил перелом и дела несомненно пошли на поправку. Я чувствовал это и сам по настроению Ласточки. Заслышав мои шаги, она встречала меня радостным ржанием, тыкалась губами в руки и карманы, отыскивая привычное угощение. Приятно было видеть, как она пьет, аккуратно вытинув губы, как бегут у нее по горлу глотки воды. Переводя дух, она поднимала голову, всхрипывала, с ее бархатных губ падали в ведро прозрачные капли. Подражая совхозным конюхам, я тихонечко посвистывал, уговаривая ее допить. Передохнув, Ласточка опять опускала голову в ведро и допивала до конца. Я приносил из кухни табуретку, взбирался на нее и чистил лошадь скребницей и щеткой. Ласточка все еще была худа, но шерсть у нее уже стала блестеть. По совету Евстигнея Васильевича я каждый день выводил Ласточку на разминку, чтобы она могла потренировать ослабшие во время болезни ноги. Затем, когда лошадь еще более окрепла, я решил ездить на ней в поле за сеном. Для этого я смастерил из старых ремней шлею с длинными веревками, держась за которые можно было ехать за лошадью на лыжах — я видел однажды, как это делали красноармейцы-конники. Случалось, что лыжи запинались в санных колесах, и я падал в снег, тотчас отпуская вожжи, чтобы не волочиться на них за лошадью. Ласточка останавливалась, ждала, снисходительно поглядывая на меня, пока я подымался и нагонял ее. Надергав из-под снега слежавшегося сена, я выючил на лошадь две вязанки. Разве я мог бы привезти так много сена без Ласточки!

С наступлением тепла мне захотелось попробовать поехать верхом. Я подвел лошадь к скамейке, что стояла у калитки, и вскарабкался на холку. Ласточка удивленно попятилась, оглядываясь и стараясь прихватить губами мои болтавшиеся ноги, потопталась на месте и послушно вынесла меня за околицу в поле. Вероятно, Ласточке доводилось ходить «под верхом», и она, вспомнив это, успокоилась.

Шагом было ехать хорошо, но как только лошадь переходила на рысь, я без седла и стремян никак не мог приноровиться к ее движению, меня трясло, и я изо всех сил сжимал ногами бока, чтобы не свалиться. Впрочем, я скоро научился довольно сносно ездить и уже не

боялся пускать лошадь не только рысью, но и галопом.

Я забирался так далеко, как никогда не ходил ни пешком, ни на лыжах. Вытаивала и оживала земля, теплым струившимся паром дышали поля, в них ходили черные и важные грачи, а по глубоким межам бежали бойкие, искрящиеся солнечными зайчиками ручьи.

Приятно было, подставив лицо и грудь теплоте парному дыханию земли, объезжать знакомые места, отмечать наступавшие в них перемены!

А как весело было, пустив лошадь галопом, промчатся летом встреч ветру степью! Ветер свистел в ушах, бился в пузыре рубахи за спиною, я еле успевал заметить, как из-под самых ног выпархивали жаворонки и отлетали напрочь сбитые копытами головки цветов. Скорость увлекала и Ласточку, она дергала головой, просила отпустить поводья и сама наддавала ходу, пофыркивая на скаку, и в лицо мне долетали росинки ее храпа.

Из ржавого обруча я сделал себе шашку. Восторженно врывался я в заросли репейника и, представляя себя в окружении врагов, налево и направо рубил их колючие головы. Врагов было много, они наседали, но я рубил и рубил, пока не уставала рука, и выходил неизменно победителем...

В степи я выпускал лошадь попасться. Освободив ее рот от удил, подвязывал к уздечке длинный повод-чомбур, я наматывал его конец на руку и заваливался в траву. Ласточка похрустывала сочной травой, мотала головой и обмахивалась хвостом от надоедавших мух.

Слепящее ясной голубишной стояло надо мною небо. Пышные облака причудливо громоздились, образуя башни и фигуры диких животных. Высоко в небе плавал кругами, распластав широкие крылья, возносясь в теплых воздушных потоках, степной подорлик.

Неужели такие же безмятежные облака стояли сейчас там, где грохотали пушки, горели хлеба и деревни, страдали от ран люди, где был сейчас и мой отец, и отцы моих школьных друзей?

Иногда я засыпал, лежа в траве. Просыпался от глухих близких ударов копыт, отдававшихся в земле. Это Ласточка время от времени отгоняла липнувших слепней. Наевшись, она подходила и подремывала надо мной, отвесив губу в зеленой травяной заеди.

Теплыми летними вечерами мы вместе купались. Пруд, на котором весь день стоял гомон ребятишек, к вечеру затихал. Только кое-где тихо купался кто-нибудь из взрослых, оттуда через пруд докатывались слабые волны, в которых качались отражения нависших над водою ветел и светлого закатного неба.

Я въезжал в пруд верхом. Когда вода достигала спины лошади, я сваливался набок и держался рядом с Ласточкой, ухватившись одной рукой за гриву. Похрапывая, она плыла легко и быстро, я не мог догнать ее, если пытался

плыть сам. Мы переправлялись на противоположный берег. Ласточка чувствовала под ногой дно и, торопясь и разбрызгивая воду, с облегчением выбиралась на сухое. Успев еще в воде сесть верхом, я ощущал, как напрягается спина лошади, когда она выкарабкивалась на обрывистый бережок.

Так прошла половина лета.

Однажды я заметил на площади недалеко от железнодорожной станции непонятное оживление. Около длинной коновязи стояло много лошадей. Других лошадей держали в поводу конюхи-женщины, подменившие ушедших на фронт мужчин. В тени старых вязов за столом сидел военный с огромными усами, мой знакомый фельдшер Евстигней Васильевич и секретарь сельсовета Полина. К столу подводили лошадей. Евстигней Васильевич и военный осматривали каждую лошадь, что-то говорили Полине, а она записывала это в толстую амбарную книгу. Я догадался, что происходила очередная мобилизация в армию лошадей из совхоза и окрестных колхозов.

На военном были щеголеватые сапоги со шпорами, кавалерийские галифе с нашитыми на них кожаными леями для седла, новенькая португеза с подвешенной сбоку саблей. На синих петлицах его гимнастерки поблескивали две «шпалы» и эмблемы кавалерии: подкова с перекрещенными в ней шашками. Ясно было, что этот командир — старый кавалерист. Он был похож на самого маршала Буденного, а может быть, даже служил когда-нибудь в его легендарной Первой Конной. Но самое замечательное, — это, конечно, была его сабля! Ее ножны и тонкий изящный эфес покрывала узорная серебряная чеканка, на ножнах поблескивала какая-то надпись. Вот бы промчаться на Ласточке степью с такой саблей!

У меня созрело решение. Я побежал домой и привел Ласточку. Наконец-то и я могу быть чем-то полезен фронту!

— А это что еще за фокусник? — спросил удивленный кавалерист, когда увидел, как Ласточка сама, без привязи, подошла вслед за мной к столу.

— Чья эта лошадь?

— Это моя, — сказал я, — ее зовут Ласточка.

— Я спрашиваю, кому она принадлежит, какому колхозу? — допытывался военный.

— Он подобрал ее в лесу, больную и брошенную, и выходил, — пояснил, улыбаясь, Евстигней Васильевич. — Этот хлопец мне хорошо знаком.

Военный обошел Ласточку кругом, заглянул ей в зубы и похлопал по шее небольшой смуглой рукой.

— Ну, что ж, коняга добрая! — заключил он. — Возьмем! А ты, парень, молодец! Спасибо тебе от нашей красной кавалерии!

Ах, если бы он знал, как я был счастлив! Но я смешался, не знал, что сказать, и ответил только:

— Не за что... Вам спасибо.

А Евстигней Васильевич добавил:

— Отец у него на фронте. Тоже большой любитель лошадей. И воюет в конной артиллерии.

— Вот и хорошо! — сказал военный. Он вернулся к столу и распорядился:

— Запишите эту Ласточку в конно-артиллерийский полк!

Полина сделала в толстой книге запись и выдала мне справку — такую же, как и колхозам. Кавалерист пожал мне руку своей небольшой крепкой рукой и еще раз одобрил:

— Очень хорошо, что коня любишь!

И он, скосив глаза себе на грудь, вдруг вывинтил значок, прикрепленный на кармане гимнастерки, и протянул его мне:

— Возьми. Это тебе на память.

Свой собственный боевой значок! Он был очень красив: темного серебра подкова с дырочками для гвоздей, перекрещенные на ней шашка и винтовка, и на всем этом — красная, лучающаяся яркой эмалью звездочка.

На следующий день я пришел на станцию провожать Ласточку. Два немолодых красноармейца, похожие на знакомых совхозных конюхов, только в форме, заводили лошадей в вагоны по дощатому помосту. Лошади упирались, страшась вагонной темноты, а затем, словно бы решившись, сразу рысили в вагон, приседая и грохоча досками помоста.

Я принес Ласточке на прощание ломоть черного хлеба, посыпанный солью — всю мою дневную пайку.

До свидания, Ласточка! Счастливой тебе службы!

Юрий Степанов

БАСНИ

* * *

Того самого Волка, которого кормили и который все-таки убежал в лес, спросили:

— Почему ты убежал?

— Захотелось поголодать, — ответил Волк.

* * *

— Почему ты так упрям? — спросили Ишака.

— Это я-то упрям? — удивился Ишак. — Это человек упрям. Я упираюсь, а он меня бьет. На его месте я бы давно отстал.

МОЙ ПАПА— ШАХТЕР

В. Нечаев

Так начал свое сочинение один мальчик, который живет в республике Коми, в городе Инте, и учится в школе № 3.

По сочинению видно, что эти слова мальчик написал с гордостью за отца. Шахтер — значит труженик, хороший товарищ, отважный человек.

Но о сочинениях я расскажу потом. Сначала — о шахтерском городе Инте.

У ПОЛЯРНОГО КРУГА

Полвека назад на далекую и глухую речку Инту пришли геологи. Мало сказать, пришли, — пробрались. Но трудный путь был проделан не зря: геологи обнаружили выходы каменного угля. За геологами на Инту пришли первые шахтостроители. А во время войны из Инты ушел первый эшелон угля. Его отгрузили доблестным защитникам Ленинграда.

На речке вырос рабочий поселок. Его строили на месте палаток, полуземлянок и бараков. Двадцать лет назад поселок стал городом. В сегодняшней Инте — пятиэтажные дома, широкие асфальтированные улицы, по которым бегут автобусы. Интинцы первыми в Коми АССР построили девятиэтажный дом. Есть в городе прекрасный Дворец спорта с футбольным полем, плавательный бассейн.

В ШАХТЕ

Моим провожатым под землей был главный энергетик комбината «Интауголь» Яков Артемович Ткаченко. Мы переоделись в шахтер-

ДРУГ О ДРУГЕ, ПО-ЧЕСТНОМУ

Ира Владимирова, 6 класс:

— Мой папа работает на шахте. Он очень хороший. Если я что-нибудь не понимаю, он всегда объяснит. Папа умеет шутить, такое скажет, что долго хохочешь. Он любит порядок и иногда ругает нас с братом, но мы не обижаемся, потому что папа почти всегда прав. Каждое дело он доводит до конца. У папы была трудная судьба, он воспитывался в детском доме. У него много друзей. Мы с братом гордимся папой, он во всем для нас пример.

Николай Андреевич Владимиров, электрослесарь участка автоматизации:

— Дочь по хозяйству помогает безотказно. Добросовестная, скромная. А главное, хорошо учится. Понимает, что в

семье она не одна и у каждого должны быть свои обязанности.

„Условия для тренировок у нас во Дворце спорта самые идеальные, — говорят интинские ребята. — А раз так, будут и рекорды...“

скую одежду — брезентовые куртки и брюки, резиновые сапоги. Надели каски с лампочками, а на пояс — батарейки. Повесили на плечо небольшой ящик — самоспасатель, который в случае опасности заменяет противогаз, и двинулись в путь.

Во время спуска в шахту навстречу проплывали лампочки, освещавшие крепежные стойки, грохотали колеса, дул ветер от мощных вентиляторов.

И вот мы идем по длинному коридору — штреку.

Могучий угольный комбайн метр за метром разрушает угольный пласт, отбирает уголь у земных недр.

Сплошным потоком идет наверх, на-гора,

черное золото. Не один состав с углем ежедневно отправляет Инта.

В глубь земли врубается мощная сложная техника. Обращение с ней требует больших знаний.

Но дело не только в знаниях. Шахта требует многого от человека. От человеческой личности.

ПРО ДЕТЕЙ И ПРО ОТЦОВ

Каким должен быть шахтер?

Трудолюбивым, знающим, внимательным, сообразительным. Все это так. Но еще и решительным, и смелым.

И все эти качества, конечно, есть у твоего отца-шахтера.

Слава Берлизов, 6 класс:

— Мой отец такой же, как все другие. Иногда бывает

строгим, иногда шутит. Он работает на шахте забойщиком уже двадцать лет. У него есть медаль «Шахтерская слава». Он научил меня водить машину. Мы с ним часто ездим на охоту и на рыбалку. Мне с ним хорошо, я его люблю.

Леонид Петрович Берлизов, бригадир:

— Слава играет в футбол и хоккей. Летом ездил на первенство республики и там был назван лучшим вратарем. Тренер их команды «Ракета» — Михаил Филиппович Марьяшин. Он воспитал много отличных спортсменов. Вернулся я как-то из отпуска и увидел, что сын запустил учебу. Я ему сказал: «Отнеси дневник тренеру. Если он оставит тебя в команде, я слова не скажу». Сын вернулся домой и сказал, что временно отстранен от тренировок. Сразу же взялся за

уроки и вскоре опять тренировался. Это самое главное — чтобы ребята хорошо учились.

„Быстро бегать—это еще не значит быстро играть,— объясняет Михаил Филиппович.—Какой толк от вашей скорости, если потом целый час раздумывает, кому пас дать?“

Недавно третья школа города Инты отметила свое двадцатилетие. Я был в этой школе, разговаривал с учителями, с ребятами, и из их рассказов понял, что шахтеры и школьники, отцы и дети, во всем и всегда заодно. Что шахтерские дела всегда интересны школе, а шахтеры по-настоящему заботятся о школьниках.

Когда-то в школе было всего семь классных комнат. Шахтеры четыре раза надстраивали школу, и теперь в ней двадцать два классных помещения, актовый и спортивный залы, мастерские. Учеников уже не сто десять, как было вначале, а больше тысячи.

Школьники любят приглашать шахтеров к себе в школу.

Это очень серьезная дружба. В этой дружбе младший берет пример со старшего. А добрых

примеров в Инте немало. Парторг шахты Юрий Афанасьевич Копысов рассказал мне о бригаде Терентия Терентьевича Стенина. Она известна не только на Севере, а по всей стране. За год стенинцы выдали более полумиллиона тонн угля. На Первомайской демонстрации Терентий Терентьевич Стенин представлял Инту в Москве, был на почетной трибуне на Красной площади.

Ребята гордятся своими отцами. И я попросил ребят третьей школы написать об их отцах коротенькие сочинения.

Потом я выбрал три из них — больше в журнал не поместилось бы — и поговорил с отцами о тех самых ребятах, которые эти три сочинения написали. Получилось как бы три разговора. И все три, в общем, о дружбе.

Валерий Толкач, 7 класс:

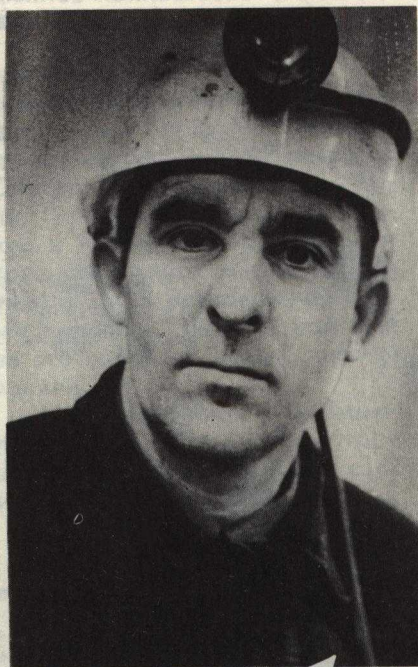
— Мой отец работает в бригаде Стенина. Эта бригада

шефствует над нашим классом уже не первый год. Шахтеры водят нас на экскурсии, беседуют с нами.

Когда бригада досрочно выполнила годовой план и вышла из забоя, то первыми ее поздравили ребята. Мы преподнесли цветы и дали небольшой концерт. Мы с отцом никогда не ссоримся, говорим откровенно. У каждого из нас много дел.

Виктор Никитич Толкач, машинист горновыемочных машин:

— Сын увлекается астрономией и математикой. Участвует в художественной самодеятельности, занимается спортом. Учителя хвалят его сочинения. В школе у него много друзей, они часто бывают у нас дома: то стенгазету выпускают, то решают задачки. Это мне нравится.

Все свободное время я проведу с сыном.

Фото М. Зыкова

ПОХОД „КУРС — ПОБЕДА!“

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ПОХОДА

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

1. Советские воины оказали бескорыстную помощь народам Югославии, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и других стран в избавлении от ига фашизма.

2. Великую Отечественную войну завершила Пражская операция, когда Советские войска стремительно вошли в Прагу, спасая жителей от гибели, а город от разрушения фашистами...

3. За проявленный героизм высокого звания Героя Советского Союза удостоены: четырежды — Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, трижды — прославленные летчики-асы Александр Иванович Покрышкин и Иван Никитич Кожедуб.

Отряд «Поиск», Пушкин

О НАШЕМ КОМАНДУЮЩЕМ

Командующий походом «Курс — Победа!» генерал-майор артиллерии Иван Павлович Кныш — Почетный пионер и Почетный комсомолец школы № 4, Почетный гражданин нашего города Гатчины. Мы много лет дружим с Иваном Павловичем.

Каждый год занятия в нашей школе начинаются первым уроком — «Уроком мужества». Иван Павлович всегда приезжает к нам в этот день и рассказывает о незабываемых днях Великой Отечественной войны, суровой 900-дневной блокаде города-героя Ленинграда и его освобождении, участником которого он был.

Ира Черненко,
Ира Румянцева,
школа № 4, Гатчина

Пионеры средней школы № 7 города Гатчины принимают Ивана Павловича Кныша в свой отряд

Оформление А. Курушина

Иван Павлович Кныш с пионерами-следопытами ленинградской средней школы № 202

ЗАЩИТНИКИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Эти рассказы в Штаб похода прислала Лена Перина. Лена живет на станции Тербуны Липецкой области, в совхозе «Пятилетка». Лена собрала материал о ветеранах-воинах, которые в годы Великой Отечественной войны защищали от фашистов родную землю. За большую и важную работу, которую провела Лена Перина, командующий походом «Курс—Победа!» генерал-майор артиллерии И. П. Кныш объявляет ей БЛАГОДАРНОСТЬ.

Мы печатаем три рассказа Лены.

Ваня Пахомов

Грянула война. Оставив одиннадцатилетнего Ваню за старшего в доме, его отец ушел на фронт. Однажды фашисты сильно обстреляли село. Ваня забрался в яму и уснул там. Когда он проснулся, было тихо. Односельчане все выехали из села. Выбравшись из ямы, грязный от пыли и гари, Ваня побежал домой, но комнаты были пусты. Он сел на землю и горько заплакал. На следующий день в село вошли наши войска. Ваню нашли солдаты и привели к командиру. Тот спросил его:

— Хочешь быть солдатом?

— Хочу, — сказал Ваня, не веря словам военного.

Так в одиннадцать лет Ваня стал сыном полка и вступил в борьбу с фашистскими захватчиками. Он хорошо знал родные места и часто ходил с бывалыми солдатами, водил их в разведку. Через несколько дней эскадрон перебросили к Дону. Кавалеристы взяли маль-

чишку с собой. В дороге он научился стрелять из револьвера, ездить на лошади. Ваня уже был ефрейтором. Раз, это было на Украине, наши солдаты сбили вражеский самолет. Он упал недалеко от немецких позиций. Доставить документы из разбившегося самолета вызвался Ваня Пахомов. На обратном пути от самолета его заметили фашисты и открыли стрельбу. Раненый в грудь маленький ефрейтор с трудом добрался до своих и передал важные документы. Из госпиталя он вернулся снова в свою дивизию и был награжден медалью «За отвагу». Вторую медаль он получил в Польше. В 1944 году Ваню Пахомова командование направило в Суворовское училище.

Теперь прошло много лет. Иван Яковлевич Пахомов работает в родном селе участковым инспектором районного отдела милиции. Его все уважают...

На прицеле—враг!

Семена Ивановича Гудилина все знают в совхозе «Тербунский», потому что он трудолюбивый и добросовестный. Но не все знают, что он в годы войны был снайпером.

Как-то раз дело было у Старой Руссы. Со стороны города фашисты вели под конвоем военнопленных и гражданских людей на рытье окопов и противотанковых рвов. Семен Гудилин дал знак своей группе снайперов снять фашистскую охрану. Фашисты приблизились. Раздались выстрелы, и охрана была вся перебита. Пленные разбежались.

На груди Семена Ивановича — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу»...

Через тридцать лет

(запись рассказа гвардии полковника в отставке В. П. Немонтова)

На тербунской земле мы воевали. Помню, в одиннадцать вечера прибыл наш бронепоезд на станцию Свечинская. У нас были сведения, что враг в селе Харламовка.

Вперед — на Харламовку! — приказал я.

Пришли. Тишина. Захожу в крайнюю хату. Никого. В соседней хате увидели убитого фашистами старика. Жители дома оказались в погребе. Они сказали, что фашисты были, грабили, забрали сало, кур и ушли, окаянные, в Братовщину. Вышли мы из хаты и увидели над Братовщиной пламя пожарищ. Жаркий бой был за это село, но через час мы заняли его...

...Недавно я летел на самолете над Тербунами, смотрел в иллюминатор и не верил своим глазам. Спрашиваю:

— Что это за город внизу?

— Поселок Тербуны, — отвечают.

И вижу я широкие улицы, многоквартирные дома... А ведь тогда, в сорок втором, уцелела здесь лишь водонапорная башня у станции и один-единственный домик...

ДЕТЯМ— ДЕТСТВО

**1 июня — Международный
день защиты детей**

ПРОДАВЦЫ ГАЗЕТ.

Фото Б. Гасселя

ГОЛОДНЫЕ ДЕТИ.

Фото из журнала
«Курьер» ЮНЕСКО

Детям — детство! Это как будто само собой разумеется. Детство — чтобы расти, крепнуть, набираться знаний, играть, дружить. Забот и хлопот в детстве куда меньше, чем у взрослых. Прибежал из школы, пообедал — и гулять, отдыхать после школьных трудов.

Но, оказывается, далеко не все дети на земном шаре ходят в школу, каждый день обедают и могут отдыхать.

Оказывается, за детство нужно бороться. Детей нужно защищать.

МИЛЛИОНАМ ДЕТЕЙ ШКОЛА ТОЛЬКО СНИТСЯ

Сколько их, ребят, которые не ходят в школу?

Их сто миллионов.

В Папуа — Новой Гвинее школу посещает только половина детей школьного возраста. В Объединенной Республике Танзании — тоже только половина. В республике Нигер десять лет назад ходило в школу только семь процентов детей. Семеро из ста! В Мозамбике, как всюду на свете, все дети хотят учиться. Но не хватает школ, учителей, учебников.

Все это — бывшие колонии. Папуа — Новая Гвинея — бывшее австралийское владение; Танзания — английская, Нигер — французская колония, Мозамбик — португальская.

Но не только в отсталых и развивающихся странах дети остаются без школы. Почти два миллиона американских детей лишены школьного образования. В Италии не ходят в школу 750 тысяч детей.

В Англии учатся все дети. Но вот что говорят учителя: многие школьники засыпают от усталости во время урока, потому что утром, до школы они работают: разносят хлеб, молоко, газеты.

А в Чили, где сейчас у власти фашистская хунта, дети рабочих на уроках падают в обморок от голода.

Бедность, нищета мешает образованию.

МИЛЛИОНЫ ДЕТЕЙ РАБОТАЮТ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

А может быть, эти цифры преувеличены? Может быть, бедных, обездоленных детей не так уж много?

В октябре 1973 года журнал ЮНЕСКО «Курьер» рассказал об исследовании, проведенном Международным бюро труда. Оказывается, 40 миллионов детей на земном шаре заняты непосильным трудом. Им от шести до четырнадцати лет, но они работают на фабриках и плантациях, в магазинах и отелях, трудятся на дому.

Дети работают слишком много. В Таиланде, например, по 8—14 часов в сутки.

Дети работают на вредных и даже опасных производствах. Там, где применяются взрывчатые и ядовитые вещества, где слишком холодно или слишком жарко даже для взрослого человека. На шахтах, в красильнях, при холодильных установках.

Во многих странах Центральной Америки и Ближнего Востока совсем маленьких детей продают. Покупатель как бы усыновляет ребенка. А настоящие родители лишаются родительских прав.

Родители часто не в силах обеспечить семью из-за болезни или безработицы. В Соединенных Штатах Америки сейчас пять с половиной миллионов безработных. В Западной Евро-

пе — три с половиной миллиона. Миллионы безработных и в Азии. С каждым годом найти работу делается все труднее.

МИЛЛИОНЫ ДЕТЕЙ УМИРАЮТ ОТ ГОЛОДА

Только от большой беды отец и мать могут отдать своего ребенка в чужие руки. Думают они при этом так: пусть наш ребенок не учится, пусть

работает на чужого дядю, пусть живет в разлуке с нами, но он по крайней мере не умрет от голода.

Да, в наше время дети умирают голодной смертью.

В Южной Азии каждый год умирает от недоедания 30—35 миллионов детей. В Индонезии основная еда — рис, как у нас хлеб. Но рис там едят один раз в день. В Африке от голода умирает каждый третий ребенок, не дожив до пяти лет. В Южно-Африканской республике, где бесчинствуют белые расисты, половина негритянских детей умирает от голода в первые пять лет жизни. Сотни тысяч малышей умирают голодной смертью в странах Южной Америки.

КТО ЖЕ ВРАГ?

Нищета, голод — вовсе не стихийные бедствия, в которых никто не виноват. Наша планета может прокормить все человечество. И если кто-то голодает — есть и виновник этого.

Империализм — вот кто главный враг детей. Империалисты заботятся только об одном: как бы приумножить за счет трудящихся свои капиталы.

Пусть в колониях не будет школ, потому что рабы без образования — самые лучшие рабы. Пусть они будут тупыми и покорными. Пусть не читают книг и газет, пусть не знают, что народы в других странах уже завоевали свободу.

Пусть дети работают на фабриках, на полях, потому что за детский труд можно платить меньше, чем за труд взрослых.

Империалистам нужно определенное количество рабов. Остальные — лишние. Пусть умирают, даже если это дети.

В Парагвае, где фашистская диктатура, есть такое местечко Сан-Хуан-Непомусено. Это центр работорговли. После того, как фашисты истребят очередную группу индейцев, их детей продают по цене от 20 до 80 долларов.

Но прогрессивное человечество не может допустить, чтобы эти преступления продолжались.

ОПЛОТ И ЗАЩИТА

Империалисты уже не чувствуют себя хозяевами земного шара, как это было полстолетия назад. Им приходится считаться с могучим лагерем социализма. Страны социализма — настоящие друзья детей.

Коммунистическая партия, советская власть всегда помнили о детях. Еще в 1895 году, работая над проектом программы партии, Владимир Ильич Ленин внес в нее требование о запрещении детского труда. В марте 1917 года Ленин писал из эмиграции, что каждый пролетарский ребенок должен быть обеспечен бутылкой молока. В апреле 1917 года, говоря о задачах пролетариата в революции, Ленин напомнил, что нужно позаботиться о беспризорных детях. Сразу после Великого Октября в программе Коммунистической партии появилась ленинская мысль о бесплатном обязательном всеобщем образовании детей. Нелегко было выполнить это требование в такой огромной стране, как наша страна. Но оно было выполнено.

Наша партия, советская власть, весь наш народ заботятся о детях. Наша социалистическая Родина — верный оплот и защита детей.

Л. Кокорина

Я НЕ МОГУ ХОДИТЬ В ШКОЛУ.
Марьянна Ямпольски.
Мексика.

МИР — ПРАВО ВСЕХ ЛЮДЕЙ.
Эмми Лу Паккард.
США.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЖАРНОГО ГРИГОРИЯ БЕДЫ

В. Гальченко

Рассказы, которые вы сейчас прочтете, необычны. Их написал Виктор Кириллович Гальченко — боец пожарной части. Он, как и его герои, день за днем выходит на развод караулов, сутками дежурит, мчит по тревоге через весь город в ярко-красной машине, входит по «веревочке» в задымленные подвалы и комнаты. Но частенько, вернувшись домой после трудного дежурства, он, вместо того чтобы отдыхать — пишет. Пишет о том, что пережил и что хорошо знает сам. Вот почему встают, как живые, со страниц его рассказов смелые, добродушные, немногословные бойцы части, работа которой — тушить огонь.

Это его первые рассказы.

С. Сахарнов

ПЕРВЫЙ ПОЖАР

В нашей части появился новый боец — Григорий Беда. Боец как боец, только роста необыкновенного, высокий. Ноги такие, что на складе сапог не нашлось. Временно выдали ему бывшие в употреблении.

Командир Аркадий Яковлевич Зотов осмотрел Беду и остался недоволен.

— Форма мятая. Сапоги хоть и старые, а начистить их следует до блеска. Настоящий пожарный должен во всем быть примером. Уяснили, товарищ боец?

На следующее дежурство, на разводе караулов, Григорий Беда, видим, выглядит не хуже нас. Начищены сапоги, отутюжена форма, сверкает белоснежный подворотничок.

Хоть объявляй ему благодарность.

Только мы приняли дежурство — тревога!

Быстро надеваем боевую одежду и выезжаем. А у места пожара народ толпится. Из окна на шестом этаже дым валит. Видим, наша лестница «трехколенка» туда не достанет — спецмашину вызывать нужно.

Смотрим, наш новичок как-то особенно суетится. Не успели мы рукавную линию для подачи воды проложить, а он — в подъезд шаст! — и бегом по лестнице на шестой этаж. В квартиру проник, по пояс высунулся из окна и кричит:

— Берегись!

Полетели с высоты: раскаленный утюг, обгоревшее одеяло, стол. Только выкинул он это все, и дыма не стало.

Мы внизу от восхищения даже рты пооткрывали. Вот так новичок! А он спустился по лестнице, из подъезда выходит и докладывает:

— Все в порядке, товарищ командир!

«Молодец, — думаем, — не иначе как Аркадий Яковлевич ему благодарность все-таки сейчас объявит».

А командир наш повернулся к толпе и спрашивает:

— Есть здесь хозяин квартиры? Надо акт о пожаре составить.

— Есть хозяин, есть! Вот он! — отвечают из толпы и показывают на Беду.

Что такое?

А тот не знает, куда глаза спрятать.

— Точно, — отвечает, — моя квартира. Утром чистил, гладил, опаздывал на службу, вот и забыл... про уют. Не выключил...

Командир наш, Аркадий Яковлевич, даже пошатнулся. Побледнел. Хотел что-то сказать, но не смог. Махнул рукой: «По машинам!» — мол.

И тут нам стало ясно, что благодарности нашему новичку еще долго не получить, не зря фамилия у него такая — Беда.

САПОГИ

Месяц служил Беда, второй, третий. Осенью подошел нам срок получать новые сапоги. Когда получили, построил нас командир и спрашивает:

— У всех новые?

— Никак нет, — отвечает Беда, — моего, срок пятого размера на складе нет.

На другое дежурство командир опять спрашивает:

— Ну что, Беда, получили сапоги?

— Никак нет!

Остался Беда в своих старых. Как только где-нибудь пожар, так у него ноги мокрые. А зима на носу.

Никак пожарному без хороших сапог нельзя!

Но вот однажды заступаем мы на дежурство, и командир наш торжественно, перед строем, вручает Бедо новые сапоги.

— Специально в воинской части сорок первый на сорок пятый обменял. Получайте!

Примерил их Гриша, а они будто по нему шиты. Ходит Беда в новых сапогах как именинник.

И вдруг пожар! Приезжаем, — горят мастерские автохозяйства. Раскаленный шифер трещит, будто кто холостыми патронами стреляет. Начальник мастерских бежит, руками размахивает:

— Осторожно, — кричит. — Там серная кислота. Не взорвитесь!

Мы на крышу. Разбираем ее и тушим. А Беда, отчаянная голова, в мастерскую пролез и крышу изнутри из шланга поливает.

Все, что мы сверху льем — на Гришу течет. Все, что он снизу направляет, назад возвращается. Одежда на нем мокрая, хоть выжимай. А ноги сухие. Сапоги-то новые!

Затушили пожар. Командир осмотрел последний раз мастерскую, подходит к Бедо. Только хотел его похвалить, посмотрел на ноги и ахнул:

— Это что, — говорит, — такое?!

А сапоги у Беды — рыжие, как кошки, дымятся и на глазах расползаются.

Рисунки С. Острова

— Что, — отвечает, — с ними? Да это я... не заметил... в кислоту вступил.

Ведь надо — это он своим сорок пятым размером бутыль раздавил! Только на один пожар ему новых сапог и хватило.

ВЕРЕВОЧКА

Хороший в нашей части сигнал тревоги. Голос у него особенный: «У-лю-лю-лю-лю!» И вот однажды как заулюлюкает! Помчались мы. Приезжаем к месту — к подвалу хозяйственного магазина. Наш командир Аркадий Яковлевич приказывает: «Готовиться в разведку!»

Надеваем мы противогазы с кислородными баллонами, берем с собой ломы, электрический фонарь и спускаемся в подвал. Первым идет Аркадий Яковлевич, за ним Гриша Беда, я — замыкающим. В руках у нас веревочка, чтобы на обратном пути не заблудиться. Идем мы в дыму, на ощупь и веревочку разматываем. От фонаря сизый круг впереди — свет в дымовую завесу будто в стену упирается. Ни зги! Потерять друг друга ничего не стоит. Спасибо — веревочка выручает.

Большой оказался подвал. Где, что горит? Непонятно! Идем. Наконец, вроде посветлело, а все равно в дыму ничего не видно. Чувствуем, стало теплее — значит, огонь рядом. Спотыкаемся о железные кровати, о какие-то ящики, пробираемся вперед. Совсем жарко стало. Значит, к очагу пожара подошли. А огонь найти не можем!

Вот в противогазах и кислород кончается. Пора возвращаться.

— Назад! — командует Аркадий Яковлевич.

Мы — по веревочке. Снова дым и сизый круг от фонаря. Выходим из подвала. Смотрим, нет Беды! Потерялся. «Ну, — думаем, — кончится кислород, ведь пропадет парень!»

Быстро меняем кислородные баллоны и снова в подвал. Только спустились туда — Гриша! Крутится в дыму у самого выхода, в руках три матраца, куда выбирать — не видит. Вот что значит — от веревочки оторваться!

Подхватили мы его с матрацами и волоком наверх. А Беда уже задыхается. Кислород в его баллоне на нуле.

Сорвали маску. Сидит Гриша, отдышаться не может.

— Это матрацы, — говорит, — в подвале горят!

Всем караулом спускаемся мы в подвал, идем тем же маршрутом. Отыскивали матрацы, и верно — горят! Растаскиваем их, водой из пожарного ствола поливаем. Сами от пота мокрые. Никак матрацы не затушить! Вода сквозь вату не проходит.

Тут подкапало подкрепление из соседней пожарной части.

Таскали мы, таскали матрацы, весь двор ими заставили. Еле потушили.

А вечером, после ужина, собирает нас командир и говорит:

— Молодец, Беда, что матрацы нашел, что определил, где горит. Но сказано в уставе: от веревочки не отрываться, человек нам дороже полосатых матрацев. Веревочку люди придумали не зря!

ПЕТЛЯ

Есть «веревочка», а есть «спасательная веревка»...

Для того, чтобы Гриша лучше усвоил ее значение, Аркадий Яковлевич решил провести с ним занятие: «Спасение пострадавших из многоэтажного дома». И вот в учебном классе Беда пыхтит от усердия, вяжет своего командира. Одну петлю под колени, вторую под поясницу, третью под голову...

А Аркадий Яковлевич все недоволен:

— Слабо вяжете. Слабо! Будете опускать человека с четвертого этажа, он очнется, шевельнется и выскользнет из петли. Тогда уже не спасете. Показываю сам. Ложитесь!

Берет командир спасательную веревку и становится над Гришей. Быстро наклоняется... Петлю под поясницу, петлю под колени, петлю под голову! Несколько секунд — и Беда уже связан. Глаза от удивления таращит, а шевельнуться не может. И вдруг — тревога!

...За двенадцать километров от части, на окраине города загорелся совхозный телятник. Оглушительное мычанье, крики людей, треск падающих балок.

Аркадий Яковлевич быстро отдает приказ:

— Пять бойцов — эвакуировать животных, два человека со стволом первой помощи — на защиту соседней постройки, остальные — на тушение крыши!

Огонь бушевал. Водяная струя испарялась, не долетая до стен. Когда животные были выведены и отогнаны на безопасное расстояние, обрушилась крыша.

И вдруг командир спрашивает:

— А где Беда?

Кто-то говорит, что видел в дыму, как Гриша врывался в телятник.

«Неужто сгорел?!»

Молча, с дрожью в руках, мы растаскиваем обгоревшие бревна. Нет, и здесь нет.

И вдруг Аркадий Яковлевич побледнел. Показалась обожженная черная кость... Тогда наш командир, вытирая со лба холодный пот, поворачивает лицо к выходу из телятника. А оттуда идет... боец Григорий Беда.

— Вы... где... это были? — упавшим голосом спрашивает Аркадий Яковлевич.

— Виноват, товарищ командир! — докладывает Беда. — По тревоге не успел развязаться. Уж очень вы крепко меня...

Ай да Беда! Ну и Гриша! Двенадцать километров бежал на пожар! Едва не успел.

А кость оказалась телячьей. Бедное животное!

Рисунок Г. Ясинского

В детстве была у меня книжка про занятого чудака. Купил этот чудака подзорную трубу и стал на весь мир только через ее стекла смотреть. Приставит трубу к левому глазу, правый закроет — и шагает по дороге. Потом к правому глазу приставит, левый прикроет — и дальше.

*Видит горы и леса,
Облака и небеса,
Но не видит ничего,
Что под носом у него...*

Сколько уже лет прошло, а я эти строчки помню. Да и как их забудешь, если такие чудачки не только в стихах встречаются.

Приехал я однажды в деревню со смешным названием — Билиболоха. Зашел, конечно, в школу. Хорошая школа! И учатся ребята нормально, и старшим помогают: на полях работают, на фермах. И главное — каждый год путешествуют. В классах, в коридорах школы — все стены фотографиями заклеены: на Кавказе они бывали, в Крыму купались, по Енисею плавали, по Уралу лазали, по донским степям пешком ходили. А рассказывают как!.. Взахлаб.

— Знаете, какие под Красноярском горы есть? Столбы! Название такое.

— Это что!.. Вот в Горьковской области река есть — это да! Из Суры вытекает и в Суру впадает. Четыреста километров петляет, а от истока до устья — всего тридцать километров. Во!

— И ничего не во! Вирьяма еще удивительнее. Она то в одну сторону течет, то в другую,

вода в ней то пресная, то соленая, рыба — то морская, то речная.

— А в Алжире, недалеко от города Сиди-бель-Аббес озеро есть. Так в нем вместо воды — чернила!

Ну, молодцы! Ну, эрудиты! Просто все на свете знают! И про самый высокий водопад, который в Венесуэле, и про самый «непоседливый» остров, что у берегов Канады; и про самую глубокую пещеру во Франции.

— Скажите, — спрашиваю, — а почему у вашей деревни такое название странное — Билиболоха?

И тут возникла то ли знаменитая заключительная сцена из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», то ли заключительная сцена из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», когда «народ безмолвствует».

Сидят мои знатоки планеты Земля — только глазами хлопают.

Потом одна девочка робко так говорит:

— Разве это интересно?..

Вот тебе раз! Про Алжир знают, про Венесуэлу знают, а про свою деревню словно в первый раз слышат.

Ну, допустим, могу я еще понять ребят, которые знают про «близко» и не знают про «далеко». В доме моем, в Ленинграде, один такой живет. В школу дорогу знает, в баню знает, в парикмахерскую, в кинотеатр, в университет, а спроси его: как проехать к Медному Всаднику или в Эрмитаж — и все, не ответит. Так ведь это просто лентяй, нелюбознательный человек. А тут все наоборот: про «далеко» знают, а про «близко» — увы!.. И такие они, вроде, любознательные!.. Непонятно.

Стал я прощаться. Вижу: и ребят расстроил, и самому как-то неловко — уезжать пора.

Месяцев через восемь получаю письмо:

«Уважаемый товарищ писатель!

Узнали мы, почему наша деревня Билиболохой называется. Можем вам сообщить.

Называется она так потому, что когда-то давно все земли вокруг нас принадлежали графу Болоху. Сам граф тут бывал редко. Но однажды приехал и велел всех перво-наперво перепороть. Ни за что ни про что. А в деревне жил тогда смелый человек — пастух Федор. Подговорил он сельчан, собрались они, подкараулили графа и самому ему всыпали. С тех пор и пошла про нашу деревню слава, что тут били Болоха. Сейчас мы в клубе создаем музей истории нашей деревни. Собрали уже много интересных экспонатов, записываем рассказы стариков...»

Ну, что я говорил? Так и есть — хорошая школа! И ребята в ней любознательные. Очень я рад был этому письму. А то ведь, знаете, есть еще такие чудачки, как тот, что

*Видит горы и леса,
Облака и небеса,
Но не видит ничего,
Что под носом у него...*

СЕСТРА МАТЛЮБА

С. Злотников

Расскажу все по порядку. Разыскать какой-то дом на улице Чигатай в Ташкенте не так-то просто. Длиннющая, вертлявая, будто ее гюрза прокладывала, узкая — две машины, если встретятся лоб в лоб, не разминутся. А еще есть тупики, закоулки, переулки. Сколько людей здесь живет? Точно не скажу. Знаю только, что люди очень дружные. И все знают друг друга и Матлюбу-опу («опа» в переводе с узбекского значит «сестра»).

А Матлюба-опа тоже их всех знает. Причем не так, чтобы, как бывает, «здрасьте, как дела-здоровье и — до свидания!», а изнутри, что ли. Вот идем мы с ней по улице, а навстречу нам седой старец. Он останавливается и с глубоким почтением здоровается с Матлюбой-опой. И на меня глядит тоже с большим уважением. Разумеется, только потому, что я оказался рядом с медсестрой. А Матлюба-опа смотрит на него строго и говорит:

— Ты вот что, Абдулла, внука своего Уткура переведи в другую комнату, что окнами на солнечную сторону выходит, по-

тому что малышу сыро в той комнате, где он сейчас живет. Старый Абдулла покорно прикладывает руку к груди, кивает бородой и говорит: «хоп, хоп», что значит — ладно, обязательно переведу, раз ты так советуешь, уважаемая Матлюба-опа.

...Матлюба-опа? При одном упоминании этого имени сердца жителей улицы Чигатай согреваются, будто в них вошло солнце. А на этой улице живет много людей, и сначала было даже удивительно, что этого маленького солнца хватает на всех. Но это только сначала. А потом, когда я познакомился с жителями улицы и самой Матлюбой-опой, мне странно было представить себе, что этого солнца могло бы не хватать! Уж очень оно щедрое!

Все известно Матлюбе-опе: сколько домов на улице и какое окно куда глядит, сколько детей в каждом доме (а детей в каждом доме по шесть, по восемь, по десять человек) и кто из этих детей здоров, а кто заболел, знает, кто как ест — с аппетитом или без! Удивительно? Скорее — замечательно!

Матлюба-опа выросла на этой улице. Сорок лет назад, сразу после курсов медсестер, пришла работать в районную детскую поликлинику. Трудно было. Ведь все здесь знали ее девочкой с косичками. И вдруг — на тебе, лечить пришла! Старики и старухи — те юную медсестру чуть не в штывики встречали. Пережитки, конечно. Теперь это каждый понимает! А раньше — у малыша температура 39, а Матлюбу к нему не подпускают. Темная старуха, похожая на Бабу-Ягу, топчется вокруг больного, бормочет заклинания. Приходилось Матлюбе уговаривать, убеждать, спорить, словом, бороться с пережитками. И не только со стариками и старухами, а нередко даже с подружками, многие из которых упорно ходили в парандже.

В те далекие времена Матлюба одна из немногих в ту пору девушек-узбечек пошла учиться и овладела профессией медика. Ее осуждали, случалось, кричали вслед ей всякие нехорошие слова, а она лечила!

Время и умение Матлюбы-опы постепенно брали свое.

Ребятишки всегда интересуются медалью сестры Матлюбы

Люди начали привыкать к тому, что Матлюба-опа поможет. «Волшебница Матлюба» — стали говорить люди.

Пришла война. Проводила Матлюба мужа на фронт. Осталась вдвоем с сыном Бохадьром. Ее профессия, понятно, была первой из первых. Дня и ночи для Матлюбы не существовало. Здоровье детей улицы Чигатай было по-прежнему ее делом, но она много заботилась и о раненых. В каждом дворе Чигатай поправляли здоровье раненые бойцы. И они, выздоравливая и уезжая на фронт, обязательно разыскивали свою Матлюбу-опу, тепло прощались с ней, благодарили за все. Благодарность людей — ее богатство.

В 1942-м пришла с фронта похоронная... Трудно потерять любимого человека, большое горе. Справилась... Помогли люди. Опять те же люди, окружавшие ее. Помогла работа, сотни детей, которым она была

очень нужна. Бохадыр (сейчас ему 35 лет и он сам отец троих детей) вспоминает, как мама отдавала свой паек другим, которым, как она считала, при-

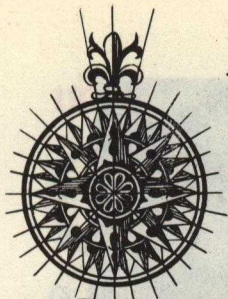
ходится труднее. Да, другим труднее и другим надо помогать. Как-то однажды мальчик взмолился: «Мама, мы же голодны, давай лучше сами съе-

дим!» А мама отломила ему его долю, а свою завернула в платок и унесла.

Матлюба-опа — единственная в Средней Азии, награжденная медалью «Флоренс Найтингейл». (Флоренс Найтингейл — сестра милосердия, жившая в Англии более полувека тому назад. Всю свою жизнь она посвятила уходу за больными и ранеными. В честь признания ее выдающихся заслуг и была учреждена медаль, которой награждаются медсестры и добровольцы санитарных обществ, проявившие ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ДУШЕВНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА во время войны и народных бедствий).

В наградном листе, присланном вместе с медалью Матлюбе-опе из Женевы, так и говорится: «Медаль присуждается за гуманизм, человеколюбие и самопожертвование».

Оформление Б. Аникина
Фото Т. Каримова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева
Оформление
Р. Попова

Год издания 19-й

нашли героя

СЕГОДНЯ ВЫСЛАЛИ МАТЕРИАЛ ГЕРОЕ ТРАЛЬЩИКА МИНА-АЛЕКСЕЙ ЧХЕИДЗЕ

Тральщик «Мина»! О морских боях которого рассказывал ребятам в редакции Николай Васильевич Воронцов, комиссар тральщика Юнкоры позвонили Николаю Васильевичу.

— Алексей Чхеидзе? Знаю такого... Знаменитый моряк, разведчик Дунайской флотилии. Сейчас руководит отрядом следопытов в Подмоскowie... Кого же нашли его ребята? Неужели кого-нибудь из экипажа «Мины»... Очень интересно... Но ничего не поделаешь, узнаем, когда придет пакет...

Наконец почтальон принес пакет. Так вот кого отыскиали пионеры! Матроса-моториста с «Мины»! Того самого, что во время боя с фашистскими самолетами поднял над кораблем сбитый осколком флаг... Тимофея Ивановича Ставничука!

Где же он теперь? Как живет? Кем работает?

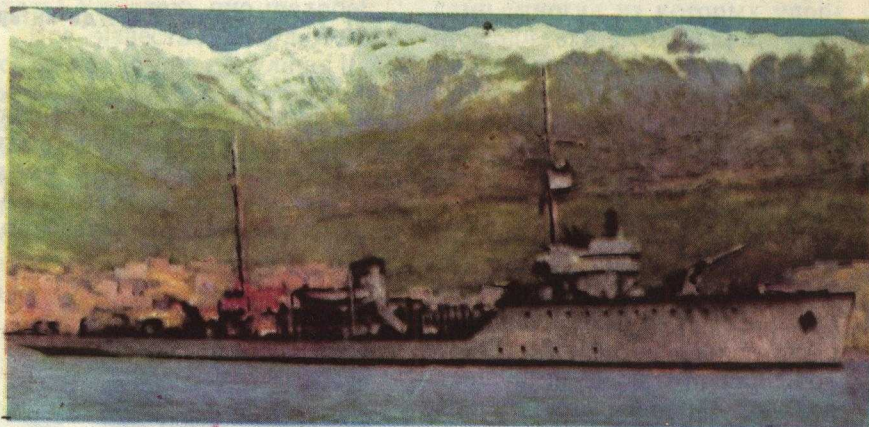
Вот что написали подмосковные следопыты:

«После войны Тимофей Иванович выбрал самую мирную профессию — стал медицинским работником. Сейчас он живет и работает

в Протвино зубным техником. Он вылечил сотни людей... Тимофей Иванович часто выступает перед пионерами и комсомольцами школ с воспоминаниями о героических делах тральщика «Мина». Он — Почетный пионер одной из протвинских школ. Тимофей Иванович увлекается живописью, и когдаходишь в его квартиру, словно попадаешь в картинную галерею. А на одной картине тральщик «Мина» в бою...

Тимофей Иванович сфотографировался с нами — на память и подарил фотографию времен войны. На ней — тральщик «Мина» в 1943 году.

Пионеры-следопыты Данковской средней школы: Лена Янюшкина, Оля Троицкая, Наташа Чистякова, Таня Янюшкина

Тральщик «Мина»

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ НАУЧИЛИ ПЛАВАТЬ

Наш клуб действует второй год. Но за это время мы сделали немало. Знаем теперь азбуку Морзе, флажный семафор, флаги. Наш девиз — «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Но самое главное — мы научили двух человек плавать...

Сергей Дорогов,
Ленинск-Кузнецкий
Кемеровской области

Много лет

Издавна для зрителей маяков всегда самым трудным временем была зима. Тьма, ветер, волны, снег... Никакой корабль не причалит к обледенелым островкам. И с маяка до суши — не добраться...

Позднее люди сконструировали автоматические маяки. Но сколько может работать такой маяк? Месяц, два, три... А потом — снова заряджай аккумуляторы, если маяк электрический, или подвози баллоны с газом, если на маяке — горелка...

Сейчас на Балтике построен первый маяк, который сможет работать много-много лет и ничего заряжать не надо. Маяк этот — атомный. Свет его виден кораблям за несколько миль.

конкурс моделей

Эсминец „Громкий“

Подводная лодка „Северянка“

Коч

На чем же путешествовали ребята в «Экспедиции вокруг света»?

На яхтах, эсминцах, теплоходах, ледоколах, канонерских лодках, шхунах, бригантинах, подлодках и даже... на папирусном корабле «Ра».

Члены жюри долго думали, кому же присудить призы?

Решено, что первый приз (корабельные часы) по праву принадлежит Саше Дорофееву из Гомеля за модель эсминца «Громкий». Второй

приз (барометр) присужден Вове Шевченко из Свердловска за модель подводной лодки «Северянка». Третий приз (морская карта Тихого океана) — Саше Клятышеву из города Тольятти за модель коча.

Фото С. Дубовской

КОРАБЛИК

Журчит ручей и тает лед,
Кораблик мой в ручье плывет...

Но вдруг с корабликом беда!
Застрял он возле кромки льда.

Скорей его освободить!
Он должен дальше, к морю плыть!

Витя Григорьев, 10 лет,
Ленинград

В Англии начали изготавливать спасательные шлюпки, в которых скамьи — банки для гребцов делаются... съедобными. Из чего же эти банки! Из смеси муки, кукурузы, толченого риса и сушеных бананов прессуются «съедобные плиты». А уж из этих плит делаются банки.

Морские врачи

Как сообщили из порта Грейт-Мистейк, вчера вернулся сильно задержавшийся из-за встречных ветров теплоход «Марианна». «Марианна» — первый опытный теплоход, построенный целиком из тах называемых «съедобных плит».

Так как запасы еды на теплоходе иссякли, пассажиры съели часть шлюпочной палубы и капитанский мостик. Теплоход поставлен на ремонт.

Христофор Колумб открыл не только Новый Свет, он открыл широкую дорогу через океан. Сотни испанских, португальских, английских, французских кораблей потянулись через Атлантику. Для этих трансатлантических плаваний корабли делали быстроходными и вместительными. На палубах ставили много пушек, да и палуб было две, а то и три... Мачты стали выше, и несли они больше парусов. Мачт было три, но иногда ставилась еще и легкая четвертая, бонавентур-мачта: для лучшей лавировки против ветра.

Таким четырехмачтовым кораблем и была знаменитая «Золотая лань» английского мореплавателя Френсиса Дрейка. «Золотой лани» — второй после «Виктории» Магеллана — суждено было обойти вокруг света. А Дрейк стал первым в истории капитаном, который начал и закончил кругосветное плавание. Оно длилось три года. И хотя Дрейк пользовался сомнительной репутацией пирата, географы позднейших времен оценили его как смелого моряка и путешественника и назвали пролив, отделяющий Южную Америку от Антарктиды, проливом Дрейка...

ОТВЕТЫ НА ЧАЙНВОРД «БРИГАНТИНА» (см. № 4)

1. Кливер. 2. Рундук. 3. Клотик. 4. Каболка. 5. Анкерок. 6. Кильватер. 7. Рангоут. 8. Такелаж. 9. Жвака-галс.

ИЗВЕСТИЯ НАУКИ

Я ПОЕДУ НА НОВОМ ТРАКТОРЕ

На полях Узбекистана его встретишь повсюду. Обычно его узнают по шуму двигателя и облаку пыли. Инженеры называли его «хлопководческий трактор Т28Х4», а хлопководы — по-своему: кто — «стариком», кто — «работягой».

Хорошо служил работяга — хлопководческий трактор. Но лишь закаленный, крепкий человек мог водить его весь день, от одного края поля к другому. Кабину мотает, а борозды должны быть ровными. Трудно трактористу работать так весь день в облаке из пыли, под палящим солнцем.

— Нет, — сказали ташкентские ученые, инженеры и художники-конструкторы. — Не будет больше мучиться наш хлопковод. Дадим ему удобную и красивую машину.

И создали новый экспериментальный трактор «Мансур».

А перед тем как создать, долго рассчитывали новые схемы, обсуждали форму и цвет больших и малых деталей.

Многие части в новом тракторе те же, что в ста-

ром. Но скомпоновали их иначе. Убрали из-под сидения бак для горючего и перенесли его к двигателю. Кабина стала существовать как бы отдельно. В ней теперь спокойно, — хоть чай пей на ходу из полного стакана. Новая кабина защищает тракториста от пыли, а над потолком смонтирован охладитель, поэтому даже в самый жаркий день в кабине будет прохладно.

ДОМ С НЕБА

Потерпевшим аварию или кораблекрушение сбрасывают на парашюте еду. Иногда, чтобы укрыть людей от дождя и ветров, сбрасывают еще и палатку. Но потер-

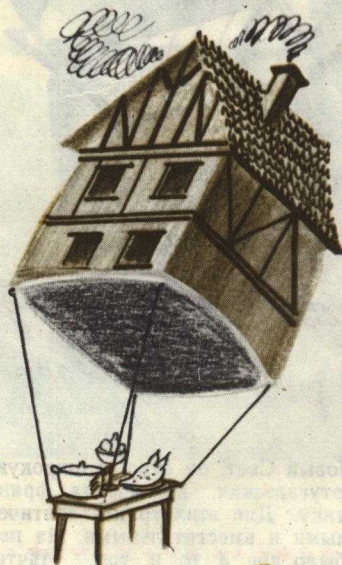
певшие обычно бывают обессиленными, им трудно возиться с палаткой. Да и не установишь палатки на голой льдине.

Канадские ученые изобрели специальный состав, которым пропитывается ткань парашюта.

Когда парашют раскрывается, то под действием воздуха он начинает постепенно затвердевать. Время затвердевания точно рассчитано. Летит к земле мешок с продуктами, а держится он уже не на парашюте, а на готовом домике с крепкими стенами.

Потерпевшим бедствие остается быстрее поспеть к домику и забраться в него.

В таком доме могут ждать подхода спасательной команды пять человек.

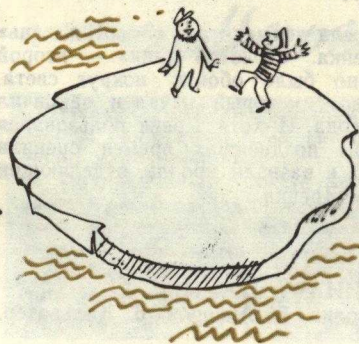
СКОЛЬКО ВЕСИЛ КИЛОГРАММ?

Большинство ученых считает, что такие величины, как скорость света, размеры атома водорода или силы тяготения всегда остаются неизменными. Их так и называют «постоянными величинами».

Есть, однако, и другое мнение. Некоторые ученые, в том числе знаменитый английский физик и математик Поль Дирак, считают, что эти постоянные величины зависят от возраста Вселенной и изменяются с каждым годом.

Открытие американца Томаса ван Флантерна подтверждает предположение Дирака.

Все астрономы знают, что расстояние между Землей и Луной понемногу увеличивается. На движение Луны по ее орбите влияют земные океанские приливы, которые она же сама и вызывает.

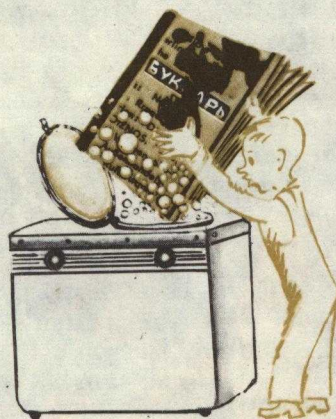
ИЗВЕСТИЯ НАУКИ

Томас ван Фландерн точно подсчитал расстояние, на которое Луна должна удаляться от Земли под воздействием приливов. А потом сравнил свой теоретический расчет с практическими данными. Действительное расстояние оказалось больше расчетного на семь сантиметров. Ошибка в расчетах исключена.

Удаление Луны на «лишние» семь сантиметров — результат уменьшения сил тяготения Земли, говорит Фландерн.

По расчетам Дирака силы тяготения каждый год

10 миллиграммов меньше, чем сто лет назад, в июне 1875 года.

УЧЕБНИКИ-ДОЛГОЖИТЕЛИ

В Германской Демократической Республике, в городе Дрездене, выпустили новые школьные учебники.

Эти учебники легче прежних на семьдесят и даже на сто граммов, потому что сделаны они из тонкой полимерной фольги. Случайно попавшее на страницу чернильное пятно легко смывается губкой, смоченной в растворе соды.

уменьшаются на одну десятиллионную. Это означает, что килограмм любого вещества сегодня весит на

КТО ЖЕ ИЗОБРЕЛ ВЕЛОСИПЕД?

Сотрудники итальянского издательства «Джунти» готовили многотомное издание рукописей, рисунков и чертежей Леонардо да Винчи. В одном из архивов обнаружили наброски, сделанные рукой Леонардо. К этим наброскам, по всей вероятности, никто не прикасался лет триста—четыре-реста.

И вдруг на одном листке сотрудники издательства увидели рисунок современного велосипеда. Они даже подумали, что кто-то шутит над ними. Рисунок передали экспертам. Вскоре эксперты сообщили, что велосипед нарисовал действительно Леонардо, приблизительно 470 лет тому назад.

Изображен велосипед двухколесным, с колесами одинакового размера, приблизительно такой, как наш «ХВЗ» или американский дорожный.

В издательстве с нетерпением ждут новых бумаг из архивов Леонардо да Винчи.

Оформление А. Януса

ОБЕЗЬЯНА БАБУИН И ЗЕБРЫ

На деревьях среди скал жила обезьяна Бабуин. Это ей надоело. Она спустилась к реке так и осталась там навсегда. Она была злая и жадная. Однажды решила обезьяна Бабуин стать владыкой воды, чтобы никого к ней не подпускать. В один из жарких дней, когда нещадно палило солнце, две зебры — папа и мама — подошли к реке попить воды. Но обезьяна Бабуин не пустила их к воде и закричала: «Моя вода, никому не разрешаю пить ее! Смерть тому, кто ослушается моего приказа!» Зебры испугались и убежали.

Прошло время, у зебр родился зебренок. Он рос сильным и крепким. Однажды захотелось зебренку пить и он сказал маме-зебре: «Я хочу пить. Почему никому нельзя подходить к воде?» Мама-зебра подумала и ответила: «Живет на свете злая и жадная обезьяна Бабуин. Она завладела водой и под страхом смерти никого не подпускает к ней. Вот поэтому я тебя никогда и не водила к реке». Возмутился зебренок и сказал: «Вода принадлежит всем, кто хочет пить. Я пойду к реке и напьюсь!» И он пошел к реке. Увидела его обезьяна Бабуин да как закричит: «Разве я не говорила тебе и твоим близким, что вода — моя? Разве я не предупреждала, что каждый, кто напьется воды из реки, обречен на смерть?!»

Но зебренок все просил злую обезьяну Бабуин: «Разрешите мне напиться, я умираю от жажды». Жадная обезьяна Бабуин так и не позволила ему напиться. Тогда зебренок подбежал к воде и стал пить.

«Я с тобой расправлюсь!» — закричала обезьяна Бабуин. Она набросилась на зебренка.

Зебренок и Бабуин сражались неподалеку от того места, где горел костер. Борьба становилась все более яростной. Долго сражались Бабуин и зебренок. Наконец, обезьяне удалось загнать зебренка в огонь, но боль от ожогов удесятерила его силы, он выскочил из пламени, схватил Бабуин и забросил ее на самую вершину скалы, которая возвышалась на другом берегу реки...

Вот так все стали пить воду из реки.

А Бабуин с тех пор живет среди скал, и, когда прыгает со скалы на скалу, заметно лысое

пятно — память о давнем падении. И у зебры до сих пор сохранились полосы от ожогов.

Много воды утекло в реке, но бабуины так и живут среди скал, а зебры — на равнинах.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ГОРЫ

Когда-то давным-давно вся Земля была гладкой, плоской и ровной. Но однажды ей стало скучно. Она поднялась и отправилась поболтать с Небом. Когда они вдоволь наговорились, Земля попрощалась и двинулась в обратный путь. Но не тут-то было! Никак Земле не удалось улечься на прежнее место и опять стать гладкой, то краешек загнется, сгорбится, то серединка. И там, где земля горбилась и изгибалась, появились горы и холмы.

СКАЗКА ПРО МОЛНИЮ И ГРОМ

В старину Гром и Молния — большие сильные бараны — жили на земле среди людей, но Вождь племени повелел им жить на самой дальней окраине селения, в стороне от людей и жилья.

Громом звали отца, а Молнией — его сына. Как только Молния-сын начинал сердиться — он принимался поджигать дома, валить деревья, и даже Гром не мог сладить с ним. Молния-сын даже убивал людей.

Когда, бывало, Молния-сын вот так разбушует — раздавался громкий-громкий голос его отца — Грома. Это он приказывал ему перестать. Но Молния-сын никогда его не слушался, поэтому Гром начинал его ругать пуще прежнего и грохотал все громче и громче.

Надоело людям терпеть все это, и они пожаловались Вождю племени.

Вождь рассердился и выгнал Грома и Молнию из селения и заставил их жить в дальних зарослях. Но и это не помогло. Капризный Молния-сын продолжал своевольничать и поджигать лес, и пламя лесных пожаров подбиралось к фермам, и они сгорали.

Совсем неумоготу стало людям. Опять пришлось идти к Вождю племени с жалобой, и Вождь запретил Грому и Молнии жить на земле.

Вот почему с тех пор Гром и Молния живут на небе, но и оттуда они часто досаждают людям.

Пересказала Э. Фурманова

Лина Глебова

Рисунки
А. Харшака

Зейкен Зейкенович Кисатаев четверть века был директором школы

И ТАМ, ГДЕ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...

У самых окон школы № 27 хлопкового совхоза Хазарбаг начинаются поля хлопка. Почти круглый год идет на полях работа. Окончилась уборка, отдохнула земля и снова — полив, пахота, сев, прополка, чеканка... — и вновь комбайны поплыли в белом хлопковом море. Совхоз Хазарбаг — один из лучших в стране. Если в других собирают в год по 20 центнеров хлопка с гектара, то в Хазарбаге все 40.

По воскресеньям и после уроков ученики помогают старшим на уборке, но сейчас у них занятия.

Урок русского языка ведет молодая преподавательница Шарофат Урунова.

— Хонали, почему ты опоздал? Садись и больше не опаздывай. Зухра, прочти текст. Правильно. А ты, Байкул, сиди

прямо, как сидят мальчики в школе. Кто же нам подберет в тексте прилагательное? Ты, Мухобад?

Мухобад встает, и на спине и плечах ее подпрыгивают двадцать косичек.

— Какой сосед, Мухобад?

— Наш сосед.

— Мухобад, ты меня не поняла. Ты в тексте посмотри: какого соседа полюбила Ангара? — Могучего соседа.

— Правильно. Ну-ка, все работаем. Турсун, пожалуйста. Своими словами. Ангара взломала стены темницы и убежала. К кому она убежала?

— К Ени-су.

— К Енисею. Правильно. Любовь победила препятствия. А что решили сделать люди?

— Поставить электрическую станцию.

— Так. Электростанцию. А

какие электростанции есть в Узбекистане?

...Не так-то это просто — научить русскому языку, привить к нему любовь, раскрыть его богатства ребятам из далекого кишлака. Но Шарофат терпелива. И ей легко учить этих ребят, ведь их связывает настоящая дружба. И у этой дружбы глубокие корни.

Когда Шарофат была маленькой, они со старшим братом и маленькой сестрой однажды забрались в письменный стол отца и вынули оттуда коробку с интересными игрушками: все на твердых разноцветных ленточках, и все звенели, когда касались друг друга. Детям понравилось катать их по полу. Вечером отец увидел, чем они играют, и неожиданно рассердился. Мама объяснила потом, что это и не игрушки, а от-

цовские боевые медали и орден.

Когда дети подросли, они не раз просили отца рассказать о войне, но отец всегда отвечал: «Когда-нибудь потом...» И дети решили: наверное, отцу трудно вспоминать обо всем страшном и тяжком, что тогда было пережито, и они перестали спрашивать.

Но однажды после уроков — а это было перед Днем Победы — Шарофат вдруг увидела отца в школе. Джора Урунов, ее отец, стоял в коридоре возле учительской рядом с их соседом Петром Васильевичем Карташовым. Был здесь и другой их сосед, Давлят Назаров.

— В чем дело? — удивилась Шарофат.

...Она знала, что почти год пионеры их школы вели поиск: старались узнать имена всех жителей совхоза — участников Великой Отечественной войны. И вот сегодня они пригласили тех, кто прошел войну до самого ее победного окончания, и попросили их рассказать о тех нелегких днях, когда судьба всего человечества зависела от побед Советской Армии. И Шарофат осталась на этот сбор. Сидела рядом с пионерами и слушала, и в этот вечер узнала о своем отце, о своих соседях многое, о чем раньше и не подозревала.

Да, пионерам отец рассказал, о чем не рассказывал даже своим детям. Рассказал, как воевал с 41-го года, как прошел через всю войну, как был ранен и опомнился в госпитале и уже не надеялся остаться в живых. А вот ведь выстоял, оправился от ран и снова — в боевом строю. Увидела Шарофат и фотографии отца тех далеких дней. Джора Урунов — молодой и brave, затянутый в форму старший сержант на улицах военных городов, на дорогах войны, среди своих боевых товарищей, а вот он и в Берлине у стен рейхстага, на котором остались следы и от пуля его автомата, и его личная подпись. И, наконец, увидела Шарофат боевые награды отца: медаль «За отвагу», орден Славы, орден Отечественной войны...

Шарофат поняла вдруг, какой это был день для отца и его товарищей.

...«Вам, участнику перехода с боями германской границы и вторжения в пределы Бранденбургской провинции, приказом Верховного Главнокомандующего от 31 января 1945 года объявлена благодарность».

А ведь каждая такая благодарность — это героическое сражение...

Потом Петр Васильевич Карташов и Давлят Назаров рассказывали ребятам, как встречали их люди в странах, освобожденных от фашистских захватчиков. Польша, Румыния, Чехословакия... Люди выбегали навстречу машинам, сколько было радости, сколько слез! И сколько цветов! И как выносили им навстречу на расшитых полотенцах хлеб-соль.

Совсем по-иному сложилась судьба их школьного преподавателя математики Икрама Джамалова. В 1942 году, когда он только пришел в действующую армию минометчиком, его часть попала в окружение, и он оказался в немецком плену. Тяжелые месяцы в неволе. Лагерь военнопленных, трудовые повинности... И всюду видел он горе, голод, жестокость. Развалины, руины, пепелища. Видел, как угоняли в Германию молодежь, как убивали стариков, женщин, детей. Как расстреливали женщин только за то, что они хотели передать хлеб умирающим от голода пленным бойцам.

...Ребята поняли, какая это страшная угроза — угроза фа-

шизма. Поняли, как нужна была победа, как важно было приблизить, ускорить ее приход. И ценою каких жертв и крови эта победа досталась. И поэтому совсем особым смыслом наполнились для них рассказы Джоры Урунова, Давлата Назарова, Петра Карташова о тех великих сражениях, в которых им довелось участвовать.

Петр Васильевич Карташов сражался на Курской дуге. Здесь, под Курском, Гитлер собирался нанести России такое поражение, которое бы стерло следы гитлеровского краха под Сталинградом и на Кавказе, которое позволило бы Гитлеру стать хозяином на военных фронтах и двинуться от Курска, от Орла — к Москве.

«Небо так потемнело от дыма и пыли, что в глазах становилось темно, — вспоминал Петр Васильевич, — от грохота орудий, от лязга гусениц мы перестали что-нибудь слышать. Но мы знали, отступить нельзя. И бойцы любой ценой, даже ценой собственной жизни, не давали немецким танкам пройти».

Немецкое наступление под Курском было сорвано. Перешла в наступление советская армия. Такого поражения, как под Курском, гитлеровцы еще не испытывали.

Город Денау расположен недалеко от Хазарбага. Мы упомянули здесь об этом потому, что в Денау живет товарищ Петра Васильевича по сражению на Курской дуге. Александр Павлетович Кайсаров. Однажды Александр Павлето-

вич получил странное письмо. Он долго рассматривал конверт, прежде чем вскрыть его. Старательный детский почерк на конверте был ему не знаком. И обратный адрес этот он тоже как будто видит впервые: Белгородская область, Шебекино, Крапивинская школа.

Белгородская область... Да, Александр Павлетович бывал в тех местах в войну, но ведь давно это было, вряд ли кто-нибудь помнит...

Вскрыл конверт и понял, — помнят. Письмо от пионеров Крапивинской школы. Ребята разыскивали людей, что сражались в их родных местах в 1943 году. И нашли. И приглашали к себе на празднование тридцатилетия Курской битвы.

И конечно же, Александр Павлетович собрался и поехал, хоть путь из Сурхандарьинской области до Белгородской области ох как не близок! А приехав, не пожалел о проделан-

ном пути. Встретил он здесь своих боевых товарищей, своих друзей из тех далеких незабываемых времен. Боевая дружба, товарищество тех трудных дней не поржавели. Дома, в Денауском райкоме комсомола Александр Павлетович рассказал о встрече и передал письмо, полученное из Крапивинской школы. А из райкома письмо попало в Денаускую школу № 1 имени Ломоносова. И ребята этой школы написали в Белгородскую область. Они благодарили ребят за своего земляка, благодарили за весь их благородный поиск, рассказывали о своем районе, о своем городе. И послали в подарок вышитое знамя. Вскоре пришел и ответ. Ребята из-под Белгорода тоже рассказывали о своем крае, о том, как нелегко здесь было залечить раны войны, о своей школе, о том, как прошел у них праздник 30-летия Курской битвы. И

прислали в подарок бюст Карла Маркса.

Ребята школы № 1 имени Ломоносова дружны с ребятами школы № 27 в Хазарбаге. Протянулась еще одна нить от Хазарбага к Курску, от сегодняшнего дня к тому, что было 30 лет назад.

...Год назад в Хазарбаге поставили обелиск в память тех, кто не вернулся домой с войны. Имя каждого из них начертано на обелиске. Эти имена собрали пионеры. Ведь ни одно имя, ни одна безвременно оборвавшаяся жизнь не должны затеряться. По весне ребята сажают возле обелиска цветы и деревья. Сюда приходят они Девятого мая. Здесь они принимают в свои ряды новых пионеров, здесь становятся комсомольцами. Здесь собираются на особенно торжественные сборы, поют песни Отечественной войны. И послушать эти песни приходят многие жители совхоза.

МАЛЬЧИШКИ — СОЛДАТЫ РОДИНЫ

Книга крымского писателя Станислава Славича называется «Разведчика звали «Юнга» (вышла в издательстве «Молодая гвардия», серия «Юные герои», 1974 г.). Книга о ребятах на войне.

Жоре Веретенникову было тринадцать лет. Боевое крещение он принял в августе сорок первого года под Очаковом. Вместе с моряками пошел в рукопашную схватку с врагом. Длинноногий мальчишка с карабином, в пестрой ситцевой рубашке, кирзовых сапогах и зеленой пограничной фуражке...

Потом Жора партизанил в Крымских горах: ходил в разведку, вместе со старшими товарищами нападал на вражеские гарнизоны, устраивал засады на дорогах.

Сейчас о знаменитом десанте под Новороссийском поют песни, о нем рассказывают в музеях боевой славы. В самых тяжелых боях наравне с опытными десантниками дрался и Жора Веретенников. Он уже стал бывалым солдатом. Не зря же его назначили командиром расчета на трофейном мониторе Дунайской военной флотилии.

Закончил он войну парадом Победы в Будапеште.

Миша Стремский, Рем Свишев, Витя Колесник — герои рассказов «Виктор — значит победитель» и «Последний месяц». Эти герои не выдуманы. Писатель рассказал о них все, что сумел узнать из разговоров с ними самими, из писем и документов, из рассказов близких им людей.

Георгий Веретенников работает сейчас шофером в Херсоне. Рем Свишев — специалист по грузоподъемным машинам в Симферополе, а Михаил Стремский — портной в Ялте. Люди мирных профессий. Но это они вместе со всем советским народом в страшные годы фашистского нашествия взяли за оружие.

Л. Лузянина

— Петя, сколько будет, если сложить пять, пять, пять, пять и пять?
— Нина Петровна, я не могу сосчитать.
— Тогда попробуем по-другому.
Предположим, что у тебя дома лежит в вазочке пять конфет „Полет“.
Брат положил туда пять конфет „Аэрофлот“.
Пришла из магазина мама и положила в вазу пять конфет „Пиковая дама“.
Вернулся папа из командировки и привез пять штук „Коровки“.
Потом зашел на минутку Борис и принес пять конфет „Фруктовый ирис“.
Сколько же всего, не скажешь ли нам? Итак, пять, пять, пять, пять и пять будет?.. —
— Килограмм!

Сергей Николаев

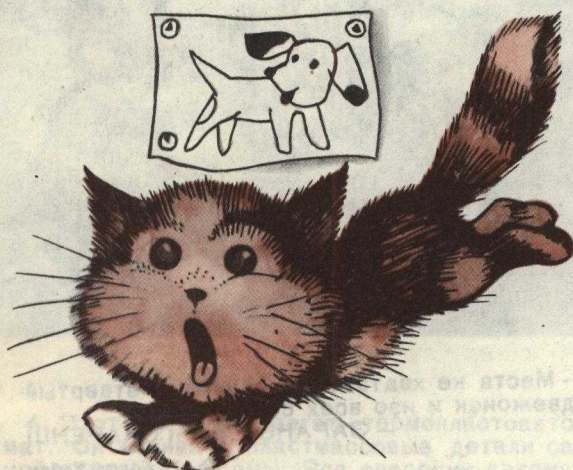

Рисунок А. Орлова

Я ЩЕНКА НАРИСОВАЛ

Я щенка нарисовал —
Мне никто не помогал —
И повесил рисунок на стенку,
А котенок „поставил оценку“:
Зашипел на него
И умчался.
Значит, правда рисунок удался!

Майя Полонская
Рисунок И. Шерешевской

ВЕСЕЛЫЙ ДУШ

Эй, какие великаны
В небесах открыли краны?
Точно баки над землей,
Тучи, полные водой.

Треск и грохот раздается,
Сверху льется, льется, льется
На леса и на поля...
Принимает душ земля.

Ефим Руженцев
Рисунок И. Шерешевской

ИНДИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

О ГОВОРЯЩЕЙ ПЕЩЕРЕ

Один лев состарился и уже не мог, как прежде, легко настигать добычу на охоте. Однажды он долго бродил по лесу и ничего не поймал. На исходе дня набрел он на пещеру в горной долине. Заглянул в нее — никого нет. „Наверняка в этой пещере живет какой-нибудь зверь, — подумал лев. — Спрячусь-ка я внутри, а когда он вернется и войдет, я его без труда схвачу“. И он забрался в пещеру и спрятался у входа.

А в пещере этой жил один шакал. И вот он вернулся к вечеру домой и хотел уже было войти, как вдруг заметил, что кусты у входа примяты. „Что-то здесь неладно, — подумал шакал. — Я за эти кусты никогда не задеваю“. Остановился он у входа в пещеру и закричал громким голосом: „Эй, нора, милая моя норка! Что же ты молчишь сегодня? Разве ты забыла наш уговор? Всякий раз, когда я возвращаюсь домой, ты меня окликаешь. Видно, нынче ты на меня рассердилась. Пойду-ка я в другую нору, которая будет меня приветствовать каждый день“. Лев услышал это и подумал: „Наверное, это нора испугалась меня и потому безмолвствует. Надо мне подать голос вместо нее, иначе он сюда не войдет“. И лев заревел: „Привет тебе, о шакал!“ — и от его рева пещера наполнилась эхом, которое разнеслось по окрестностям, напугав всех зверей далеко вокруг. „Сколько лет живу в лесу, а не слышал, чтобы нора могла говорить“, — молвил хитрый шакал и убежал от той пещеры подальше.

БЫТЬ БУКАШКОЙ НЕ СТЫДНО

Быть букашкой не стыдно. Стыдно — когда думают, что стыдно букашкой быть, а что стыдно так думать, не думают.

Спросите букашку, стыдно ей, что она, букашка, — букашка?

Букашка вам ответит:

— Моя добрая и красивая мама — БУКАШКА. Мой храбрый и мудрый папа — БУКАШКА. Я тоже — БУКАШКА. И это ничуть не стыдно. Чего же тут стыдного! Стыдно — когда думают, что стыдно букашкой быть, а что стыдно так думать, не думают.

Борис Чебан
Рисунок А. Иващенко

2

еще один попадется". Услыхал это тигр, испугался и пустился наутек.

Вот бежит он по лесу, и повстречался ему шакал. „Куда это ты, дядя, мчишься сломя голову?“ — „Ох, не спрашивай, племянничек! — отвечает тигр шакалу. — Еле я от смерти спасся. Там по тропе идет пожирательница тигров со своими двумя сыновьями. Каждый из них съедает целого тигра за один присест. Бежим скорее, пока они сюда не пришли, а то и тебе тогда несдобровать“. Рассмеялся шакал и говорит тигру: „Одурачили тебя, дядя. Пойдем-ка со мной, и ты увидишь, что вовсе это не ведьма, а просто обманщица. Давай уговоримся: я на нее первый прыгну, а ты за мной следом. Потом ты их всех съешь, а мне отдашь остатки“. На это тигр ему возразил с опаской: „Это на словах ты такой смелый. А когда увидишь ведьму, не боюсь сам убежишь без оглядки!“ — „Ну, если ты боишься, что я убегу, — говорит шакал, — давай свяжемся друг с другом веревкой“. Тигр подумал и согласился.

И вот, связавшись крепкой веревкой, тигр и шакал вышли на тропу навстречу путникам. Когда женщина их увидела, она закричала еще издали: „Эй, шакал, да ты совсем разленился! Раньше ты мне приводил двух тигров сразу, а сегодня только одного тянешь!“ У тигра при этих словах душа ушла в пятки и он припустился бежать во всю прыть, волоча за собой на веревке шакала. И пока тигр удирал, не разбирая дороги, шакала швыряло о стволы деревьев и задевало за острые сучья и колючки, так что он весь покрылся синяками и весь исцарапался с головы до хвоста. Насилу сорвался он с веревки и, еле живой, убрался восвояси. А женщина с детьми благополучно миновала лес и достигла родительского дома.

Пересказал Вл. Эрман
Рисунок Т. Капустин

7

О ХРАБРОЙ ЖЕНЩИНЕ И ТРУСЛИВОМ ТИГРЕ

Одна женщина со своими двумя сыновьями отправилась в дорогу, и пришлось им идти через дремучий лес. В том лесу жило много диких зверей; и, пробираясь через чащу по безлюдной тропе, путники вдруг увидели тигра, который подкрадывался к ним.

Но храбрая женщина не растерялась. Когда тигр был уже совсем близко, она накинулась на своих сыновей в притворном гневе и стала шлепать мальчиков, громко восклицая: „И всегда-то вы ссоритесь! Что, мало вам на двоих одного тигра? Ну, ничего, этого поделите пополам, а потом, быть может, и

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЕН

НЕ ОБИЖАЙТЕ МЕДВЕДЕЙ... — написал один медвежонок на дереве.

... В НАШЕМ ЛЕСУ... — прибавил другой.

... И В СОСЕДНЕМ ТОЖЕ, — приписал сбоку третий.

— Места не хватает, — прошептал четвертый медвежонок и изо всех сил крикнул:

— ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЕНИИ!

Борис Чебан
Рисунок А. Орлова

6

3

3. Но прежде чем игрушка попадает на прилавок магазина, она проходит серьезные испытания. На специальном полигоне строгие контролеры проверяют работу двигателя, систем управления. Малейшая неисправность — и игрушку отправляют назад. Опытные мастера быстро устранят неполадки. Только тогда она получает паспорт и отправляется в долгий путь к тебе, читатель.

Показывал Уголку производство
Евг. Гольст
Фотографировал Илья Колтун

УГОЛЕК НА БОЛЬШОМ ЗАВОДЕ

1. Тишина в этой комнате. Конструкторы проектируют новую модель автомобиля с программным управлением.

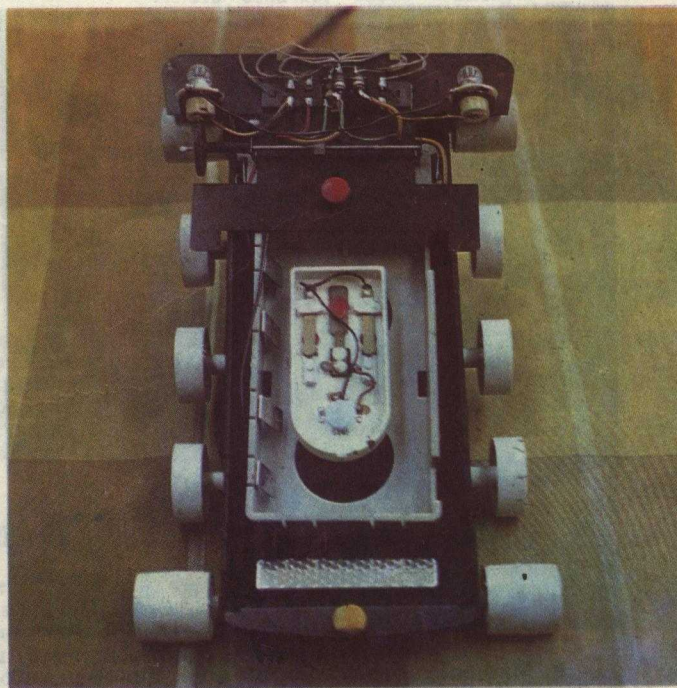
Алексей Гаврилович Чирков считает, что автомобиль выйдет на славу. Его мнению можно доверять. За свою жизнь Алексей Гаврилович сконструировал более сотни самых различных моделей. Принимал участие в разработке первого послевоенного автомобиля «Фазтон» и современного «Лунохода».

За отличную работу он награжден орденом Трудового Красного Знамени и «Знак почета».

4. Этот сложный агрегат — термопластоавтомат. Он отливает пластмассовые детали самой различной формы. Все операции автоматизированы. Проходит не больше минуты — и кузов автомобиля готов.

Ударник коммунистического труда оператор Валентина Алексеевна Жуковская следит за режимом работы станка. За смену она изготавливает 500—700 таких кузовов.

5. А теперь пора сказать, что рассказ мы ведем не о настоящем автомобиле, а об игрушечном, об изделии ленинградского объединения «Спутник». Делать это совсем не игрушечное!

Посмотрите на снимок шасси «Планетохода». Здесь переключатели и электробатарейки, моторы и зубчатые передачи. Специальная схема на полупроводниках выполняет команды поворотов, которые отдает водитель. Чтобы сконструировать и сделать такую игрушку, нужны знания.

2. Здесь работают дизайнеры. Дизайнеры тоже конструкторы. Только особенные — конструкторы-художники. Это они решают, какой формы и цвета будет кузов, как расположить фары и сигнальные огни. Их задача — сделать автомобиль не только красивым, но и удобным.

Прежде на бумаге рисуют цветные эскизы. Выбирается самый лучший. Уточняются детали и создается макет модели из бумаги, картона и дерева.

7. У прилавков с игрушками всегдалюдно. Каких только моделей здесь нет, и каждый год появляются все новые и новые. Их разрабатывают конструкторы в Москве и Киеве, Ленинграде и Минске, Таллине и Риге. В Донецке сооружается крупнейшая в Европе фабрика игрушек. Среди прочих там будут выпускаться летающие модели самолетов с настоящими двигателями внутреннего сгорания. А в ленинградском объединении „Спутник“ конструируется управляемая по радио ракетная установка.

6. Множество деталей со всех цехов и участков поступает на главный сборочный конвейер. Равномерно движется лента. Четко и слаженно действуют сборщики. Постепенно из отдельных деталей складывается игрушка. Последние операции. Захлопывается прозрачный защитный колпак, и „Планетоход“ отправляется в путь. Каждые 25 секунд — „Планетоход“.

В течение дня конвейер перестраивают, и с его ленты съезжают уже другие игрушки: роботы, луноходы, катера и ракетноносцы. Только за месяц с конвейера сходило 250 тысяч игрушек сорока пяти видов.

3. В кабинете заместителя главного конструктора Юрия Валентиновича Груздева шумно. Идет заседание технического совета. Решается судьба автомобиля. Прежде чем начать его серийное производство, необходимо еще и еще раз проверить, все ли сделано верно. Нет ли просчетов в проектировании. Внимательно выслушивается мнение каждого специалиста, придирчиво обсуждается любое предложение. Наконец, общее мнение: конструкция модели удачная, можно „запустить“ в производство.

ТУРНИР-75!

Соревнование рыцарей в разгаре. Пока участники успешно преодолевают препятствия, стоящие на их пути к спортивным разрядам, дипломам, призам. Но что будет дальше? Задания становятся все труднее... Кому сегодняшний — шестой — тур принесет очки, а кому разочарование?

Шахматистам надо решить две задачи на мат в три хода.

А. (А. Дроздович). Белые: Kph4, Lg7, Cf8, п. g3; черные: Kph6, п. f5.

Б. Белые: Kpb5, Ла7, Ld8, Kf2; черные: Kpb2.

Шашкистов ждут два окончания, в обоих — выигрыш.

А. Белые: c5, f4; черные: a5, b8.

Б. Белые: g7, h2; черные: d6, e3, h4.

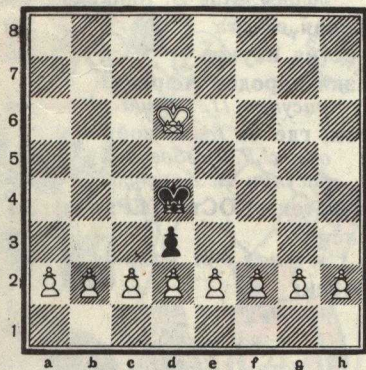
Рапорты писать только на открытках (на любых) и посылать их, не вкладывая в конверт.

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

— Ну, Топтыгин, сдаешься? А то мат дам. И быстро!

— Хвастун ты, Косой! Чтобы я тебе сдался? Никогда! Лучше мат получу, но не сдамся!

Такой разговор услышал шахмат-адмирал Ферзьбери, подойдя к доске, за которой сражались два постоянных противника — Медведь и Заяц. Взглянул он на положение, получившееся в их партии, и страшно удивился: «Вот так штука! Да ведь у них в игре создалась позиция задачи доблестного рыцаря из Воронежа, Юрия Селявкина. Бывает же такое!»

Да, бывает. Но дело не в этом. А в том, кто из вас, рыцари, скажет: во сколько ходов Заяц (он играл белыми) может дать мат Медведю? И учтите: задача Юры с подвохом. Чтобы ее решить, нужно сначала точно определить — где сидел Заяц, а где — Медведь.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Вчера разгорелся спор о шахматных задачах, автор которых — арчебековец Игорь Антонов из Солнечногорска.

— Ты что, тут колдуешь, что ли? — спросил один из пришедших в уголок спорщиков, заметив Игоря, сидевшего за столом, на котором стояли шахматные фигуры сразу на трех досках.

— Да вот — три задачки составил: 1. Белые: Краб, Фс1, Лс4, Сg4; черные: Kpd5, пп. d4, e5.

2. Белые: Kpb6, Фb3, Лс4, Cd7, Ка2, п. f6; черные: Kpd5, пп. d4, e5.

3. Белые: Kpb5, Фf1, Cd1, Cf8, Ke7; черные: Kpd4, Ch7, пп. d2, d3, e4, e5.

В первой и во второй задачах мат в два хода, а в третьей — в три.

Спорщики заговорили, забегали, расшумелись:

— Все верно!

— Не все верно!

— Все неверно!

В общем, принялись за свое любимое дело — спорить. Однако никто никого ни в чем не сумел убедить. Поэтому, доблестные рыцари, если у вас есть соображения и веские доказательства по задачам Игоря, то пришлите их в АРЧЕБЕК.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Представь, будто ты играешь черными. И будто твой противник начал партию ходом 1. d4, а ты ответил Kf6. И будто он пошел 2. Kd2, а ты — e5. И будто он тогда сыграл 3. de (то есть d4:e5), а ты — Kg4. И будто тут твой противник сделал ужасный ход, который заслуживает не менее двух вопросительных знаков, а именно, ход — 4. h3??

Как же ты используешь эту грубую ошибку и выиграешь?

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Что означает слово «гамбит»?

— Гамбитом называют начало партии, в котором одна из сторон применяет жертву пешки или даже фигуры ради быстреего развития сил или получения перевеса в центре.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Kc6! (но не 1. Kc4? из-за Cg3!) Cg3 2. Kd4! Б. 1. f3! a2 2. Cd7 g4 3. f4. (Если же 1. Cd7? то g4! и теперь на 2. f4 черные в ответ побьют «на проходе» — gf). Шашки. А. 1d4! 2. ed6! 3. b6X. Б. 1. b4! e1 2. gf4 3. f8 4. b4!X. Поддай команду! 1. g6! hg2.t6! и т. д.

Оруженосцы, шаг вперед! Мат в один ход — 1. Лh8X. В два хода — 1. Лb1! и следующим ходом мат. В три хода — 1. Лс2 (или любой другой ход ладьей) Kpd8 2. Ле2 и т. д.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 августа.

§ 2. Строго исполнять мои приказы №№ 1, 2, 3.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки О. Зуева

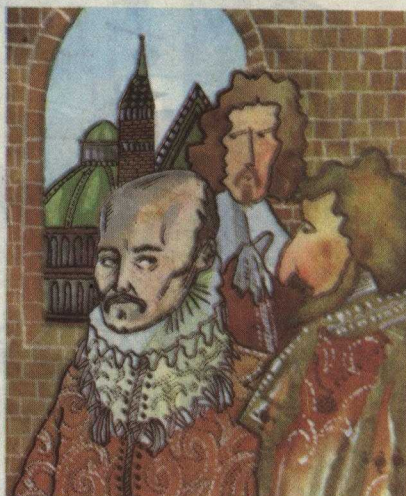
ЖАЛОБ НЕ ПОСТУПАЛО

Французский философ Мишель Монтень однажды заметил:

— Видимо, всего справедливее распределен в мире разум.

— Из чего вы это заключили? — спросили философа.

— Никто ведь не жалуется на нехватку разума, — ответил Монтень.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

Когда Сеттону-Томпсону особенно докучали любители «страшных охотничьих историй», он рассказывал небылицы вроде следующей.

«Однажды я напал на диковинный след. След привел меня к огромной таинственной пещере. Я залег с ружьем и стал ждать. Наконец послышался грозный рев. Из пещеры выбежал гигантский зверь с горящими глазами. Я прицелился и метким выстрелом подстрелил... поезд».

СОДЕРЖАНИЕ

Артеку — полвека	1
Футбол с девчонками	
рассказ	
Арк. Минчиковского	2
рисунки А. Аземши	
А медные трубы — потом	
очерк А. Лисняка	6
фото И. Колтуна	
Стихи	
Александра Кушнера	
рисунок Ю. Клыкова	9
Там, за поворотом	
повесть В. Мусаханова	10
рисунки А. Слепкова	
Окно пятилетки	25
фото В. Миговича	
Барабан	26
журнал юнкоров	
Не из пены морской	
очерк Вл. Арро	30
рисунки В. Топкова	
Ласточка уходит на фронт	
рассказ В. Чернышева	33
рисунок И. Харкевича	
Мой папа — шахтер	
очерк В. Нечаева	37
фото М. Зыкова	
Поход „Курс — Победа!“	40
Детям — детство	42
очерк Л. Кокориной	
Приключения пожарного	
Григория Беды	
рассказы В. Гальченко	44
рисунки С. Острова	
Бидиболоха	
фельетон В. Суслова	47
рисунок Г. Ясинского	
Сестра Матлюба	
очерк С. Злотникова	48
оформление Б. Аникина	
Морская газета	50
Известия науки	52
Сказки народов Африки	
рисунки П. Швеца	54
И там, где не было войны	
очерк Л. Глебовой	56
рисунки А. Харшака	
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	58
Уголёк	59
журнал для малышей	
Арчебек	63
шахматы и шашки	
На обложке	
фото Ю. Чернышева	
«АРТЕК»	

Главный редактор С. В. Сахаров

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (отв. секретарь), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлиный

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-22121. Сдано в набор 4/III 1975 г. Подписано к печати 29/IV 1975 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. уч.-изд. л. 8,8. Тираж 562 000 экз. Заказ 333. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

Четверка хитроумных друзей приглашает вас прогуляться по живописным окрестностям клуба «За семью печатями». Путь по ним вымощен загадками и вопросами и представляет собой длинный чайнворд, составленный из чайнвордов, присланных нам Людой Кошкиной из поселка Присядка Куйбышевской области, Владимиром Бобыковым из Барнаула, Игорем Николаевым из Ачинска,

Ларисой Силютиной из Кемерова,
Николаем Цветковым из поселка Тун-
гозеро Карельской АССР.

Демьяша, Хуссейн, Гном и Сиволапыч предлагают превратить прогулку в занимательную игру. Каждый из играющих по очереди отыскивает на картинке нужный номер и, разгадав ребус, загадку, анаграмму или вспомнив, как именуется обозначенная соответствующим номером вещь, жи-

вое существо или явление, вписывают слова в чайнворд, получая за каждое одно очко. Тот, кто не может догадаться, теряет очко. За него отгадывает следующий.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5.

Послание с секретом: «С праздником Первое мая!»

Задача для искусствоведов. Слева — подделка, справа — оригинал.

ВСТРЕЧА ПИОНЕРОВ ВСЕХ СТРАН

Яшутина Ира, 11 лет, Ленинград